

В. С. Синика, В. А. Меньшикова, Н. П. Тельнов

Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э.

Keywords: Northern Black Sea Coast, Dniester Region, Bug Region, Crimea, Dnieper Region, Don Region, 4th—1st centuries BC, hand-molded incense cups, ornament.

Cuvinte cheie: spațiul Nord-Pontic, bazinul Nistrului, bazinul Bugului, Crimea, bazinul Niprului, bazinul Donului, sec. IV—I î.Hr., fumegători lucrate cu mâna, ornament.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Поднестровье, Побужье, Крым, Поднепрровье, Подонье, IV—I вв. до н. э., лепные курильницы, орнамент.

V.S. Sinika, V.A. Menshikova, N.P. Telnov

Hand-Molded Incense Cups from the Northern Black Sea Coast Sites of 4th—1st Centuries BC

The article deals with hand-molded incense cups of the North Black Sea Coast of 4th—1st centuries BC. Given the large number of censers found during the excavation of the Scythian barrow cemetery near village Glinoe in the Dniester region, the authors considered all known similar finds and proposed a typology of these vessels. They substantiated the origin of the fluted incense cups from similar vessels common among Meotian tribes of the Kuban Region. Their way of penetration into the Northern Black Sea Coast is outlined. Censers with ornaments with solar symbols, apparently, represent the Crimean tradition in the manufacture of such vessels. Such ornamental patterns like “fishbone” and groups of lines falling down from a line on the shoulder of a vessel seem to be of Scythian origin. The origin of censers without any ornament is more complicated some of them — with a distinguished foot — can testify to the Greek influence, some other — with a flat bottom: indicate the use of Scythian form of hand-molded pots.

V.S. Sinika, V.A. Menshikova, N.P. Telnov

Fumegătoarele lucrate cu mâna de pe siturile spațiului Nord-Pontic din sec. IV—I î.Hr.

Articolul prezintă analiza fumegătorilor lucrate cu mâna din spațiul Nord-Pontic din sec. IV—I î.Hr. Având în vedere cantitatea considerabilă de fumegători, descoperite în cursul cercetării necropolei scitice de la Glinoe (Hlinaia — bazinul Nistrului), a fost realizată o trecere în revistă a tuturor descoperirilor de acest tip și propusă tipologia acestora. Sunt aduse argumente în favoarea originii fumegătorilor canelate de la vase similare, răspândite la triburile meotice din regiunea Kuban. A fost conturată calea pătrunderii acestor vase în spațiul Nord-Pontic. Probabil, motivele solare de pe unele fumegători reflectă o tradiție, originară din Crimeea, iar decorul în formă de „brad” și benzi liniare, care se coboară în jos de la o altă linie, aflată pe umărul vasului, sunt de origine scitică. Mai complicată e problema originii fumegătorilor fără decor: o parte din ele — cu picior evidențiat — pot reflecta influența grecească asupra producerii ceramicii; o altă parte — cu fund plat — sugerează forma chiupului scitic.

В. С. Синика, В. А. Меньшикова, Н. П. Тельнов

Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э.

В статье анализируются лепные курильницы из Северного Причерноморья IV—I в. до н.э. С учётом значительного количества курильниц, обнаруженных при исследовании скифского могильника у с. Глиное в Поднестровье, осуществлена ревизия всех известных подобных находок. Предложена типология этих сосудов. Обосновывается происхождение каннелированных курильниц от аналогичных сосудов, распространённых у меотских племён Прикубанья. Намечен путь их проникновения в Северное Причерноморье. Курильницы с орнаментом, включающим солярные символы, по всей видимости, представляют крымскую традицию в изготовлении подобных сосудов. Вероятно, «ёлочный» орнамент и орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, имеют скифское происхождение. Более сложен вопрос о происхождении курильниц без орнамента: часть из них — с выделенной ножкой — может свидетельствовать о греческом влиянии на изготовление сосудов; другая часть — с плоским дном — об использовании формы скифского лепного горшка.

Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья с раздутым туловом на протяжении длительного времени привлекают внимание исследователей. Изначально они становились предметом анализа при публикации археологических материалов из па-

мятников Крыма (Шульц 1953: 34, 62) и Поднестровья (Мелюкова 1962: 157, 159, рис. 4: 1—5), где они встречались чаще, чем в других регионах Северного Причерноморья. Одними из немногих работ, посвящённых этим культовым сосудам, стали работы Е. В. Яковенко

1971 г. и О. Д. Дашевской 1980 г. В них рассматривались и анализировались лепные курильницы, известные авторам более 30 лет назад (Яковенко 1971; Дашевская 1980).

В настоящее время, с учетом накопления новых данных, полученных в ходе археологических раскопок памятников Северного Причерноморья, и современного понимания ситуации, назрела необходимость более детального рассмотрения всех известных курильниц подобного вида, т. е. с раздутым туловом¹. При этом особое значение имеет представительная коллекция подобных сосудов из раскопок скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района в Поднестровье, большинство погребений которого сохранились не потревоженными.

Ниже приводится список памятников по регионам, в которых были обнаружены лепные курильницы.

Добруджа

Самым западным пунктом, где была обнаружена курильница с каннелюрами по тулову, является некрополь г. Томы в Добрудже, на западном побережье Чёрного моря (рис 1: 1). Сосуд с двумя ушками-упорами без отверстий украшен косыми прочерченными каннелюрами по тулову таким образом, что они образуют V-образный орнамент. Погребение с курильницей датируется III—II вв. до н. э. Автор публикации называет курильницу уникальным сосудом, отмечая, что он не имеет аналогий в гетской керамике и является единичным образцом (Scorpan 1970: 80—81, fig. 1: 1, 2; 4: 3—6).

Нижнее Подунавье

На левобережье Нижнего Дуная пять курильниц обнаружены в скифских погребениях. Четыре сосуда (три — из могильника Кугурлуй и один — из могильника Градешка) до настоящего времени не опубликованы и только упоминаются в работах (Редина 1989: 133; Андрух 1995: 45, 46). Пятая курильница найдена в погребении 24/1 могильника Курчи. Под венчиком и на плече она украшена двумя рядами округлых вдавлений, образующих волнистые линии. Под вдавлениями на венчике расположены косые насечки, а по тулову нанесён «ёлочный» орнамент (рис. 1: 2) (Андрух

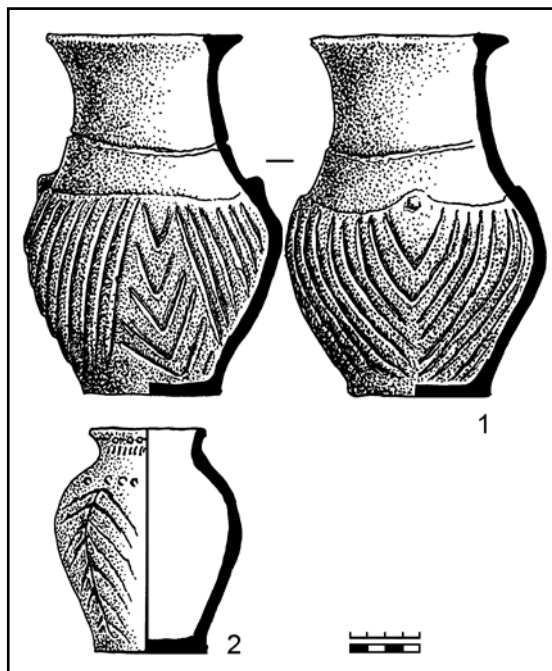

Рис. 1. Курильницы: 1 — некрополь Томы в Добрудже; 2 — погр. 24/1 могильника Курчи на левобережье Нижнего Дуная (1 — по Scorpan 1970: fig. 1: 1; 2 — по Андрух 1991: рис. 3: 2).

Fig. 1. Incense cups: 1 — necropolis of the Tomis in Dobruja; 2 — b. 24/1 of cemetery Curchi on the left bank of the Lower Danube (1 — after Scorpan 1970: fig. 1: 1; 2 — after Андрух 1991: рис. 3: 2).

1991: 27, рис. 3: 2). Курган 24 был датирован концом III — началом II в. до н. э. (Андрух, Чернов 1990: 155, 161, рис. 1: 23)².

Поднестровье

В Поднестровье в настоящее время известно 98 курильниц.

Наибольшее число курильниц было обнаружено в ходе раскопок скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Эти исследования проводились Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко на протяжении 1995—2012 гг. (Тельнов, Четвериков, Сеника 2012). Лепные курильницы известны в 72 погребениях могильника у с. Глиное (39,2% комплексов!). В пяти захоронениях находилось по две курильницы, в остальных — по одной. Помимо этого, фрагменты курильниц найдены в тризне кур-

¹ В настоящей работе не рассматриваются другие виды культовых сосудов из погребальных и поселенческих памятников Северного Причерноморья, которые имеют иную морфологию.

² Подобная датировка вызывает сомнение, т. к. она основана на родосских клеймах, обнаруженных в другом комплексе (!) могильника Курчи — тризне III (Андрух, Чернов 1990: 157, 161, рис. 1: 25; 3: 30).

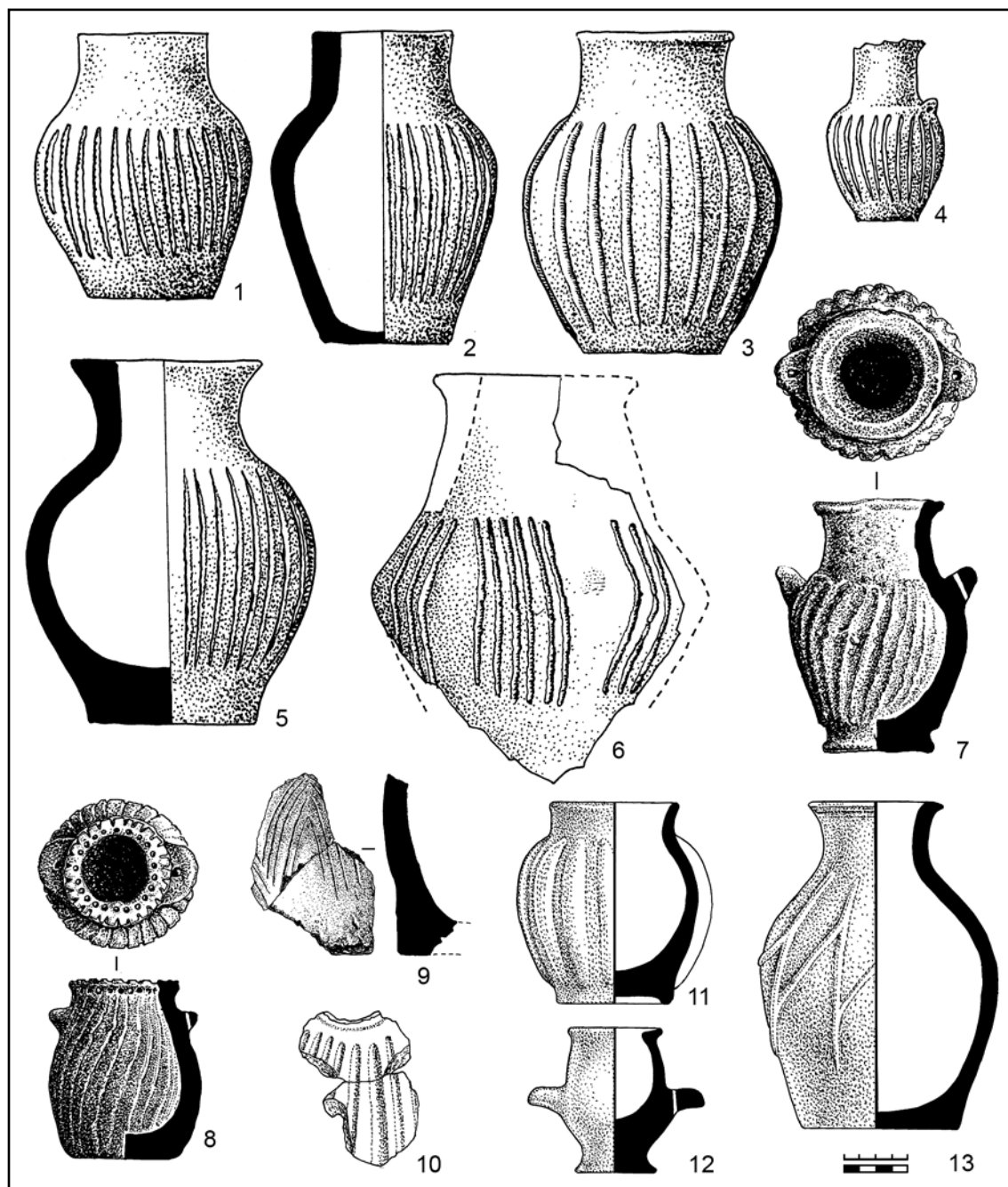

Рис. 2. Курильницы из Поднестровья: 1 — курган 275 у с. Глиное; 2 — курган 173 у с. Парканы; 3 — курган 288 у с. Чобручи; 4 — курган 399 у с. Чобручи; 5 — курган 400 у с. Чобручи; 6 — курган 403 у с. Чобручи; 7 — разрушенное погребение в г. Тирасполь (2005 г.); 8, 9 — поселение у с. Чобручи; 10—13 — городище Надлиманское (1—6 — по Мелюкова 1962: табл. 8: 6; рис. 4: 1—5; 8 — по Фидельский 2012: рис. 1: 7; 10—13 — по Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: рис. 64: 1, 3, 4; 67: 4).

Fig. 2. Censers from the Dniester Region: 1 — barrow 275 Chobruchi; 2 — barrow 173 Parkany; 3 — barrow 288 Chobruchi; 4 — barrow 399 Chobruchi; 5 — barrow 400 Chobruchi; 6 — barrow 403 Chobruchi; 7 — destroyed burial in Tiraspol (2005); 8, 9 — settlement Chobruchi; 10—13 — Nadlimanskoie settlement (1—6 — after Мелюкова 1962: табл. 8: 6; рис. 4: 1—5; 8 — after Фидельский 2012: рис. 1: 7; 10—13 — after Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: рис. 64: 1, 3, 4; 67: 4).

гана 47 и во рву кургана 106. Таким образом, на могильнике у с. Глиное, функционировавшем с конца IV в. до н. э. по третью четверть II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012: 10), известны находки 79 курильниц, что сопоставимо с количеством по-

добных находок на поселениях и в погребальных памятниках IV—II вв. до н. э. всех других степных и лесостепных регионов Северного Причерноморья (рис. 3—9). За исключением двух сосудов без орнамента (41/1, 100/1) и одного сосуда с орнаментом в виде

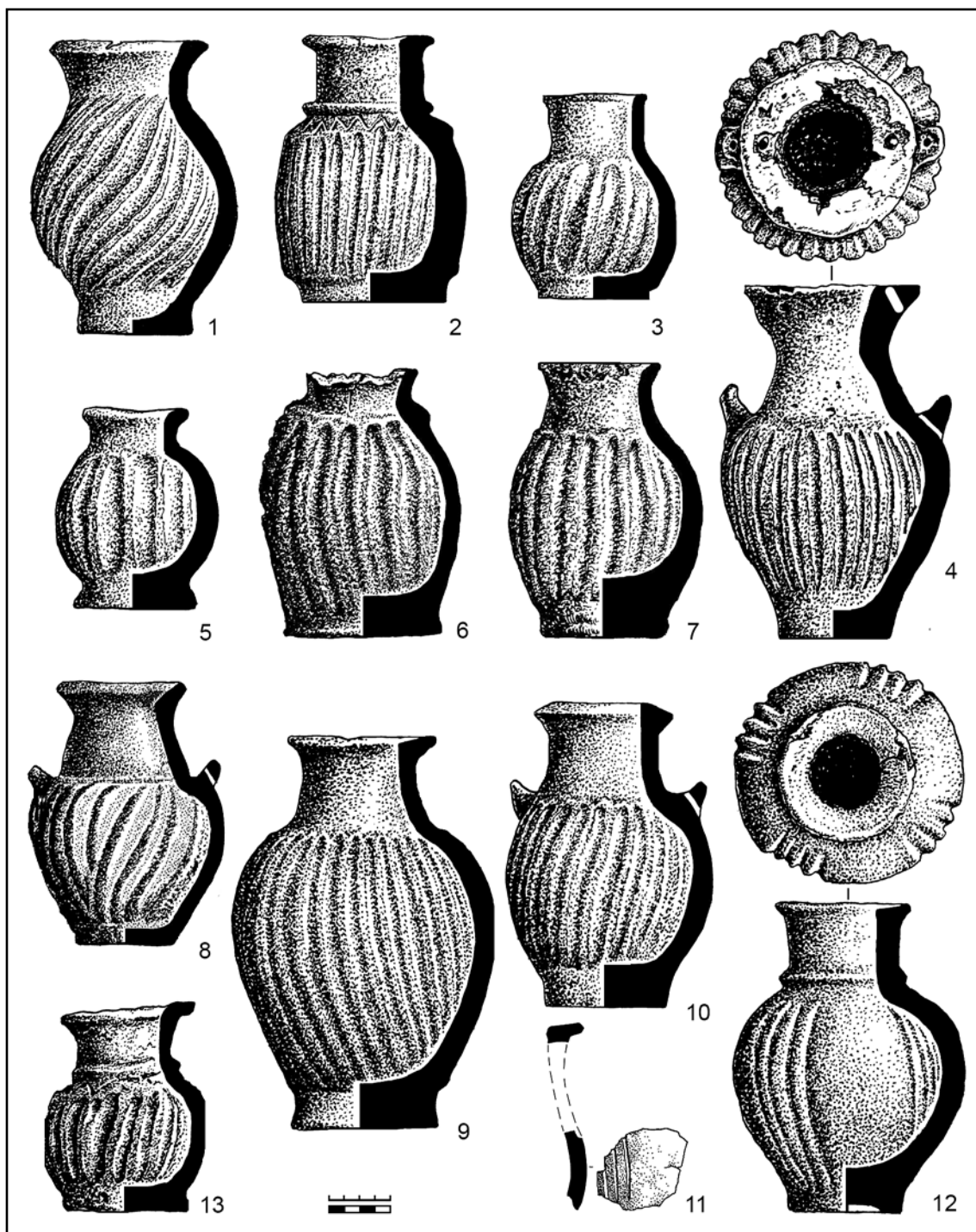

Рис. 3. Курильницы из могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра: 1 — погр. 2/2; 2 — погр. 4/1; 3 — погр. 6/3; 4 — погр. 7/1; 5 — погр. 8/1; 6, 7 — погр. 9/1; 8 — погр. 11/1; 9 — погр. 12/1; 10 — погр. 13/1; 11 — погр. 14/1; 12 — погр. 14/2; 13 — погр. 18/2.

Fig. 3. Incense cups from cemetery Glinoe on the left bank of the Lower Dniester: 1 — burial 2/2; 2 — burial 4/1; 3 — burial 6/3; 4 — b. 7/1; 5 — b. 8/1; 6, 7 — b. 9/1; 8 — b. 11/1; 9 — b. 12/1; 10 — b. 13/1; 11 — b. 14/1; 12 — b. 14/2; 13 — b. 18/2.

пяти несимметрично расположенных групп прочерченных линий (по три линии в группе), свисающих вниз от сплошной горизонтальной линии (49/1), все остальные сосуды украшены каннелюрами: рельефными или прочерченными; вертикальными, косыми

или волнистыми; покрывающими тулово курильницы полностью или частично.

Ещё восемь сосудов с каннелюрами были обнаружены супругами И. Я. и Л. С. Стемпковскими в ходе раскопок скифских курганов Тираспольщины в 1896—1911 гг.: к. 275

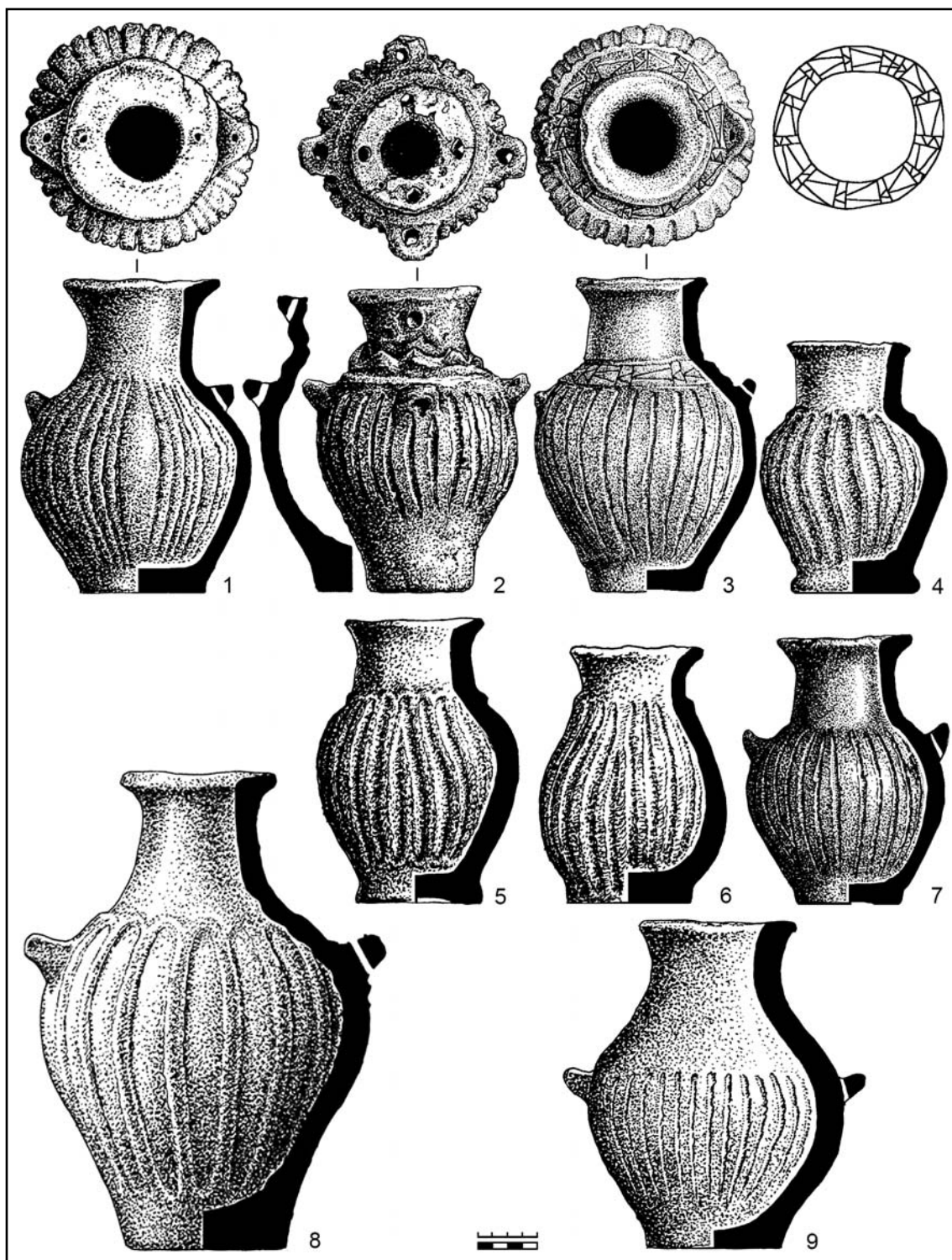

Рис. 4. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1, 2 — погр. 19/2; 3 — погр. 20/1; 4 — погр. 23/1; 5 — погр. 24/1; 6 — погр. 26/1; 7 — погр. 28/1; 8 — погр. 31/1; 9 — погр. 32/1.

Fig. 4. Incense cups from cemetery Glinoe: 1, 2 — b. 19/2; 3 — b. 20/1; 4 — b. 23/1; 5 — b. 24/1; 6 — b. 26/1; 7 — b. 28/1; 8 — b. 31/1; 9 — b. 32/1.

у с. Глиное (рис. 2: 1), к. 173 (рис. 2: 2) и к. 174 у с. Парканы, к. 288 (рис. 2: 3), к. 399 (рис. 2: 4), к. 400 (рис. 2: 5), к. 403 (рис. 2: 6) и к. 407 у с. Чобручи (Мелюкова 1962: 157, рис. 2: 2—4; 4: 1—5, табл. 5: 1, 2, 5, 8; 7: 8; 8: 3, 6).

В настоящее время нет никаких сомнений, что перечисленные скифские погребения с курильницами датируются тем же временем, что и комплексы, исследованные на могильнике у с. Глиное в 1995—2012 гг.

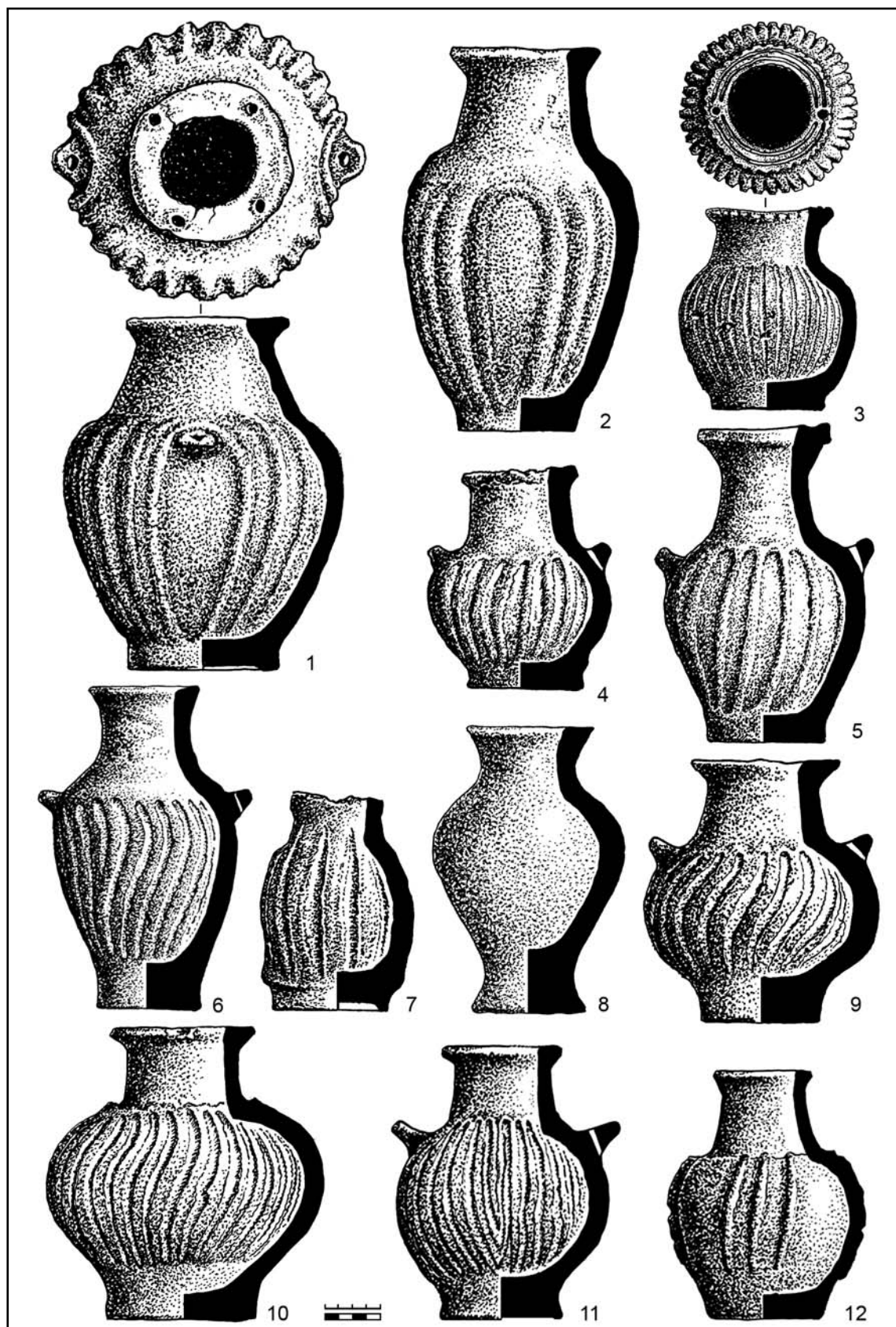

Рис. 5. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1, 2 — погр. 33/1; 3 — погр. 35/1; 4 — погр. 36/1; 5 — погр. 37/1; 6 — погр. 38/1; 7 — погр. 38/3; 8 — погр. 41/1; 9 — погр. 42/1; 10 — погр. 45/1; 11 — погр. 46/3; 12 — погр. 47/1.

Fig. 5. Incense cups from cemetery Glinoe: 1, 2 — b. 33/1; 3 — b. 35/1; 4 — b. 36/1; 5 — b. 37/1; 6 — b. 38/1; 7 — b. 38/3; 8 — b. 41/1; 9 — b. 42/1; 10 — b. 45/1; 11 — b. 46/3; 12 — b. 47/1.

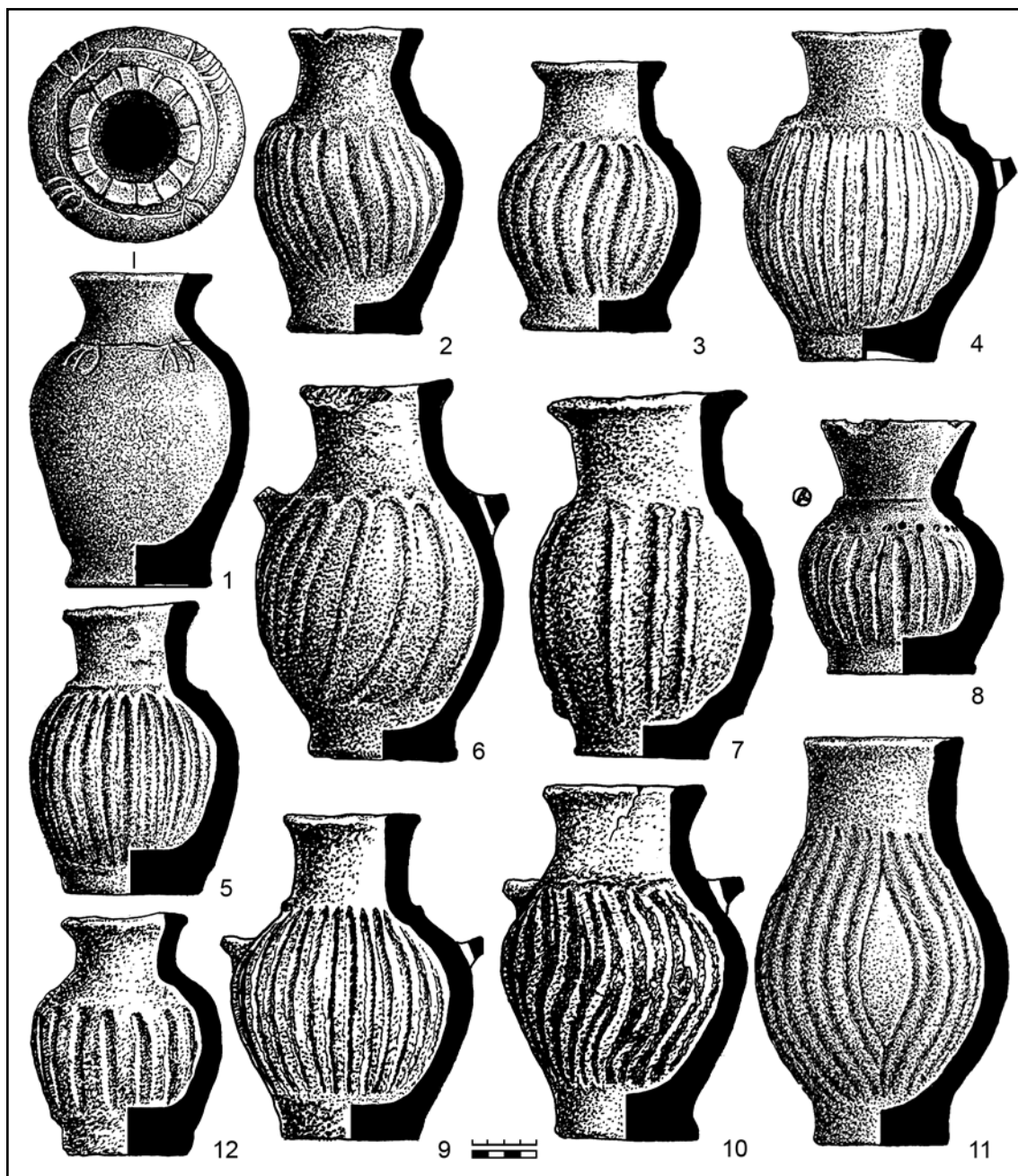

Рис. 6. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1, 2 — погр. 49/1; 3 — погр. 51/1; 4 — погр. 52/1; 5 — погр. 53/1; 6 — погр. 54/3; 7 — погр. 55/1; 8 — погр. 60/1; 9 — погр. 61/1; 10 — погр. 62/1; 11 — погр. 63/1; 12 — погр. 65/1.

Fig. 6. Incense cups from cemetery Glinoe: 1, 2 — b. 49/1; 3 — b. 51/1; 4 — b. 52/1; 5 — b. 53/1; 6 — b. 54/3; 7 — b. 55/1; 8 — b. 60/1; 9 — b. 61/1; 10 — b. 62/1; 11 — b. 63/1; 12 — b. 65/1.

В 2000 г. в захоронении 2/3 кургана группы «Чобручи-источник», располагавшейся на восточной окраине с. Чобручи Слободзейского района, были обнаружены фрагменты стенок курильницы с прочерченными каннелюрами. Дата комплекса определяется клеймами на ручках родосской амфоры последним десятилетием III в. до н. э. (Четвериков, Синика 2009: 211, рис. 3: 12).

Ещё одна курильница была обнаружена в 2005 г. при проведении земляных работ в центре г. Тирасполь и, безусловно, являлся составной частью погребального инвентаря разрушенного скифского захоронения. Курильница по всему тулову ornamentирована рельефными волнистыми каннелюрами и имеет два ушка с отверстиями (рис. 2: 7).

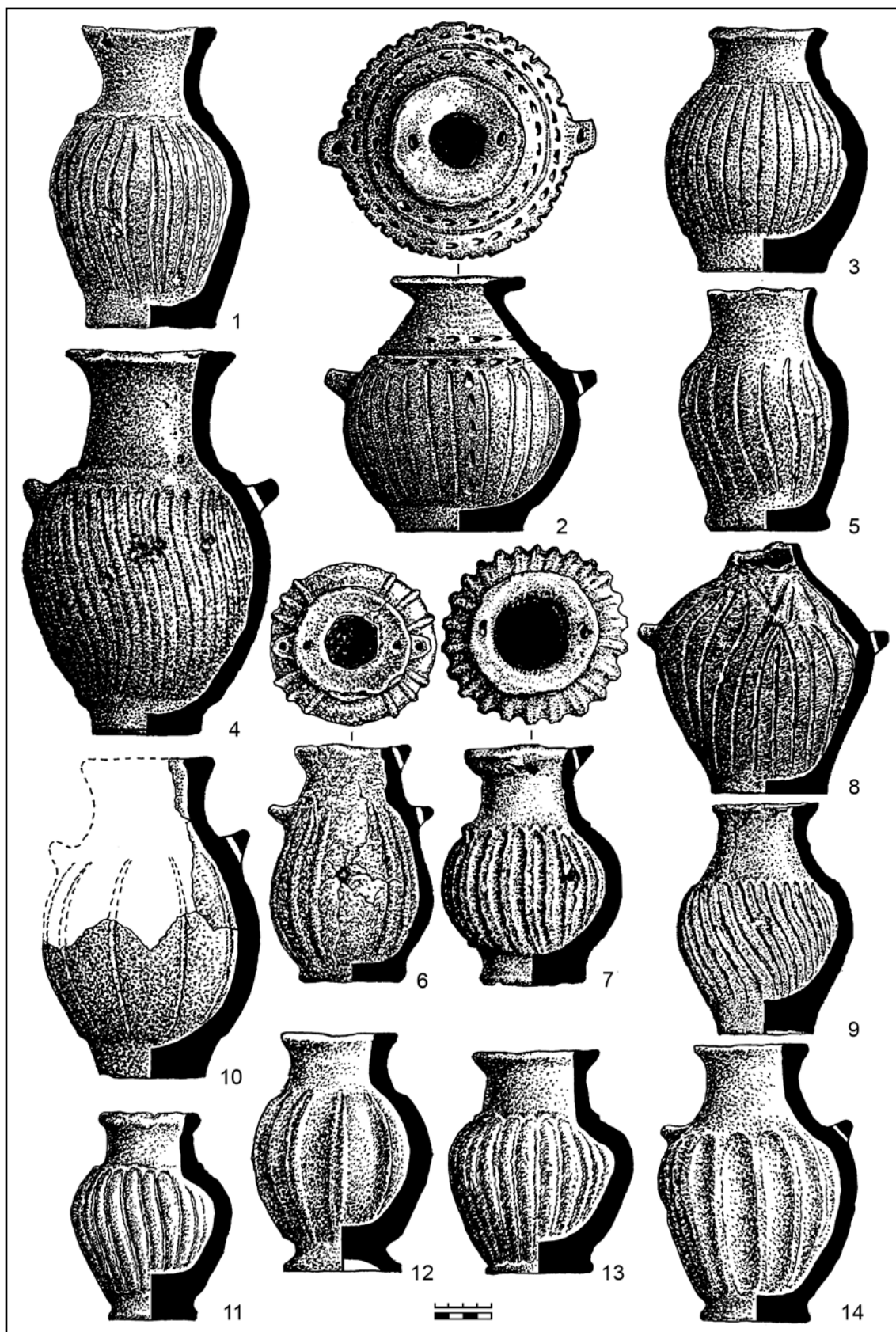

Рис. 7. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1 — погр. 66/1; 2 — погр. 66/2; 3 — погр. 69/2; 4 — погр. 74/1; 5 — погр. 75/1; 6 — погр. 78/3; 7 — погр. 79/1; 8 — погр. 80/1; 9 — погр. 81/3; 10 — погр. 84/1; 11 — погр. 86/1; 12, 13 — погр. 88/1; 14 — погр. 89/3.

Fig. 7. Incense cups from cemetery Glinoe: 1 — b. 66/1; 2 — b. 66/2; 3 — b. 69/2; 4 — b. 74/1; 5 — b. 75/1; 6 — b. 78/3; 7 — b. 79/1; 8 — b. 80/1; 9 — b. 81/3; 10 — b. 84/1; 11 — b. 86/1; 12, 13 — b. 88/1; 14 — b. 89/3.

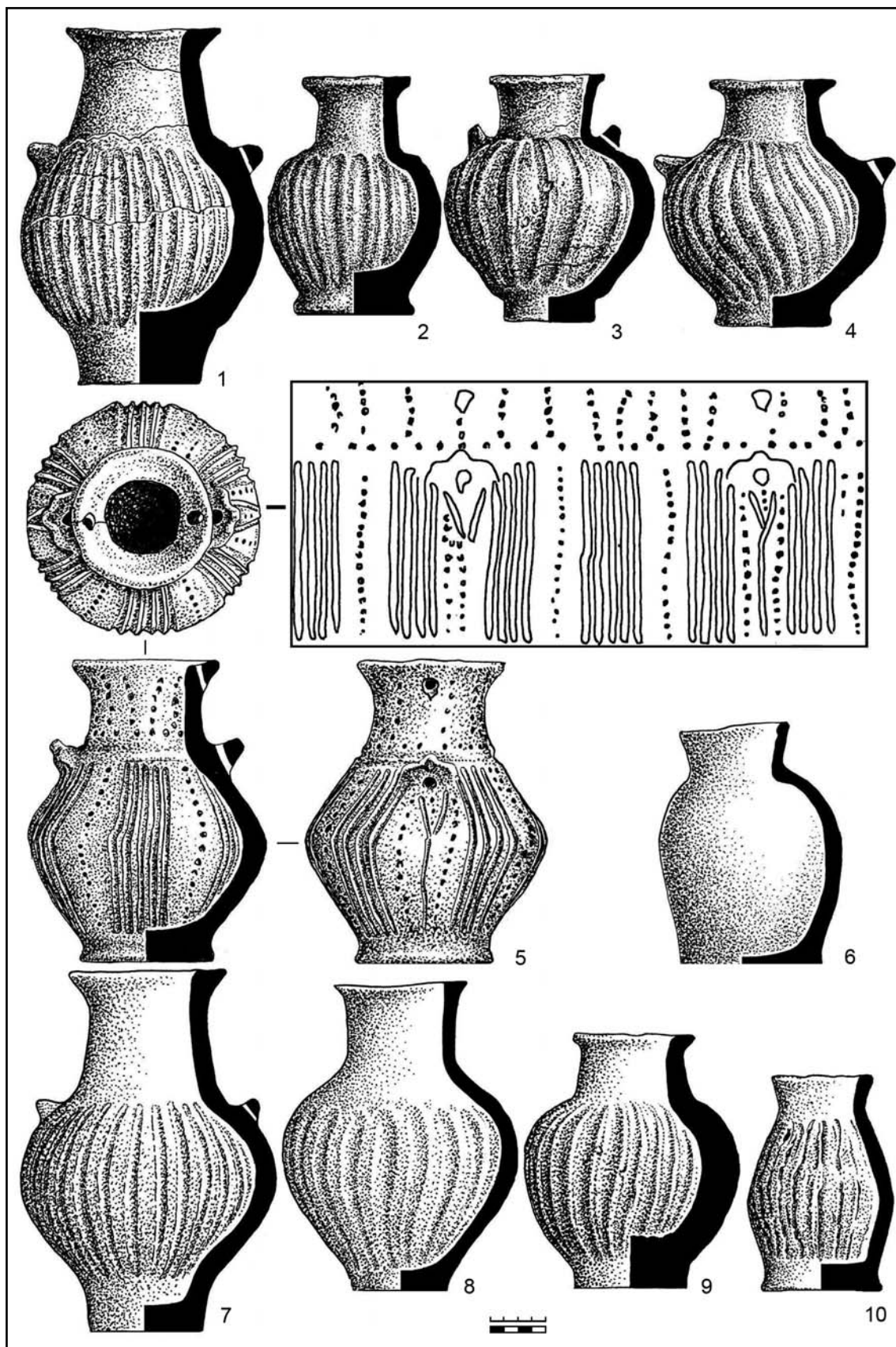

Рис. 8. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1 — погр. 92/1; 2 — погр. 94/1; 3 — погр. 95/1; 4 — погр. 96/1; 5 — погр. 99/1; 6 — погр. 100/1; 7 — погр. 104/1; 8 — ров кургана 106; 9 — погр. 107/3; 10 — погр. 108/1.

Fig. 8. Incense cups from cemetery Glinoe: 1 — b. 92/1; 2 — b. 94/1; 3 — b. 95/1; 4 — b. 96/1; 5 — b. 99/1; 6 — b. 100/1; 7 — b. 104/1; 8 — ditch of barrow 106; 9 — b. 107/3; 10 — b. 108/1.

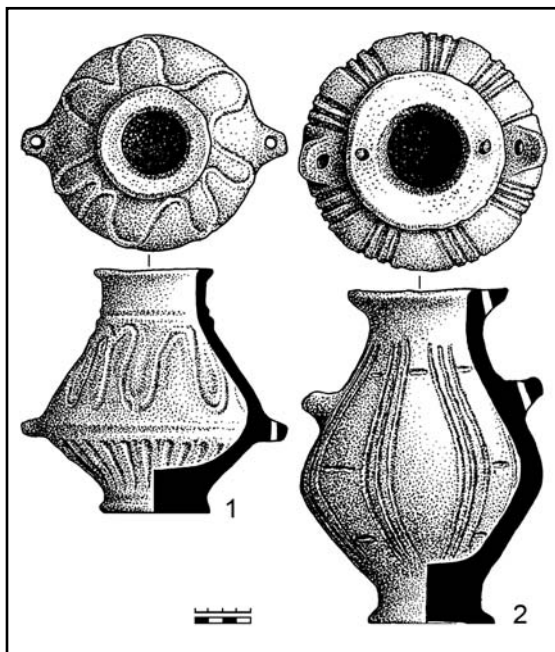

Рис. 9. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1 — погр. 109/1; 2 — погр. 112/1.

Fig. 9. Incense cups from cemetery Glinoe: 1 — b. 109/1; 2 — b. 112/1.

Помимо погребальных памятников, известно девять курильниц и на поселениях левобережного Поднестровья. В 2004 г. на поселении у с. Чобручи, в слое III—II вв. до н.э., были обнаружены целый сосуд с орнаментом в виде наколов на поверхности венчика и волнистых прочерченных каннелюр на тулове. Курильница имеет два ушка с отверстиями (рис. 2: 8) (Фидельский 2012: 19, рис. 1: 7). В этом же слое был обнаружен фрагмент тулова курильницы с прочерченным орнаментом. Ещё один фрагмент придонной части курильницы, с прочерченными каннелюрами по тулову, образующими V-образный орнамент, был обнаружен в 2005 г. в яме №45 (рис. 2: 9), сооружение которой относится также к III—II вв. до н.э.

Фрагмент стенки курильницы с рельефными каннелюрами был обнаружен на поселении Красное на Левобережье Днестра и, по-видимому, относится к III — началу II в. до н.э. (Сеника, Тащи, Тельнов, Четвериков 2012: 191, 198).

Пять курильниц найдены при исследовании Надлиманского городища: три из них имеют вертикальные рельефные каннелюры; одна с редкими вертикальными каннелюрами, соединёнными косыми каннелюрами; ещё одна — не орнаментирована и имеет ушки со сквозными отверстиями. Сосуды датированы концом IV — началом III в. до н.э. (Дзис-

Райко, Охотников, Редина 2012: 112—115, рис. 64; 67: 4, табл. 41: 1—4).

Побужье

В Побужье нам известны девять находок курильниц.

Четыре сосуда происходят из погребенный некрополя Ольвии эллинистического времени: два из них (из захоронения 56/1901 (рис. 10: 1) и из собрания Одесского археологического музея) имеют высокую горловину и прочерченный орнамент на плече; два других (из погребения 110/1902 (рис. 10: 2) и из раскопок 1920 г. (рис. 10: 8)) — с рельефными каннелюрами, причём последняя имеет сквозные отверстия между каннелюрами. М. Парович-Пешикан датирует эти сосуды не ранее II в. до н.э. (Парович-Пешикан 1974: 121—123, рис. 99: 2—4).

Ещё одна курильница происходит из кургана 67 у с. Яцковичи в Лесостепном Побужье. Этот миниатюрный сосуд имеет восемь вертикальных каннелюр на тулове (рис. 10: 5). Погребение было датировано автором публикации рубежом V—IV или первой половиной IV в. до н.э. (Бессонова 1994: 19—20, 26, рис. 4: 5).

Среди материалов поселенческих памятников отметим находки из Ольвии. В слое IV—III вв. до н.э., была обнаружена курильница со сложным орнаментом (рис. 10: 3) (Марченко 1975: 73—74, рис. 1: 22; Дашевская 1980: 19, 27). Ещё одна беспаспортная курильница из Ольвии хранится в Национальном музее истории Украины³. Сосуд орнаментирован прочерченными вертикальными каннелюрами и зигзагообразными линиями, а на поверхности венчика имеются наколы (рис. 10: 6) (Яковенко 1971, рис. 2: 2).

С поселения ольвийской хоры Козырка 2 второй половины IV — первой трети III в. до н.э. происходит сосуд с загнутым внутрь краем и двумя ручками в виде горизонтальных уплощенных налепов (рис. 10: 4). Авторы публикации отметили, что сосуд имеется в одном экземпляре, и указали, что подобные типы лепной керамики происходят из поселений степного Поднестровья, Молдавии и Румынии (Доманский, Марченко 1980: 31, рис. 10: 2), что не соответствует действительности, поскольку этот сосуд по форме идентичен курильницам из погребальных памятников Прикубанья.

Ещё одна беспаспортная курильница хранится в Николаевском областном краеведче-

³ До 1991 г. Киевский исторический музей.

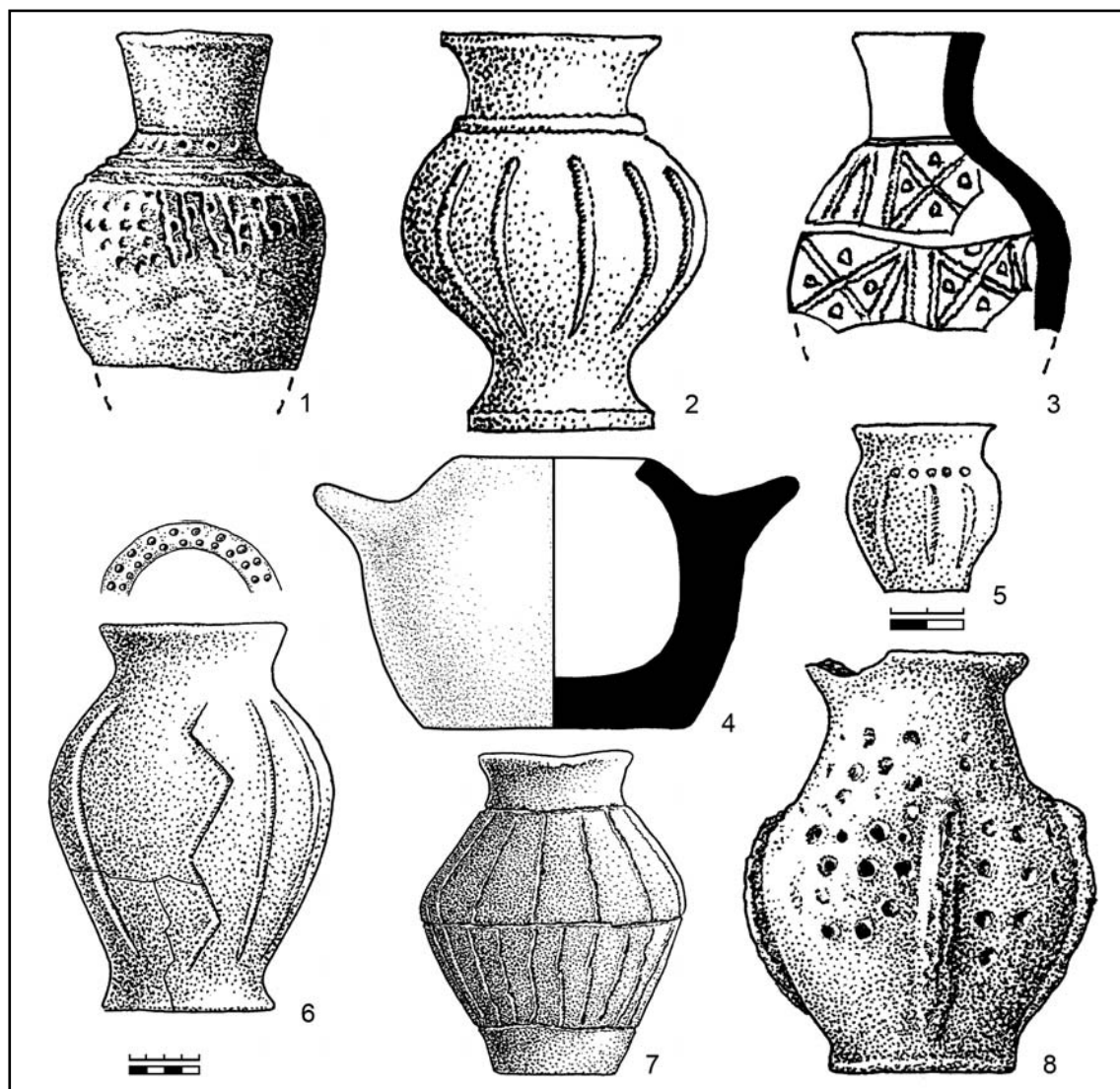

Рис. 10. Курильницы из Побужья: 1 — могила 56/1901 некрополя Ольвии; 2 — могила 110/1902 некрополя Ольвии; 3 — Ольвия; 4 — Козырка 2; 5 — курган 67 у с. Яцковичи; 6 — Ольвия (Национальный музей истории Украины); 7 — поселение Варваровка; 8 — некрополь Ольвии (раскопки 1920 г.) (1, 2, 8 — по Парович-Пешикан 1974: рис. 99: 2—4; 3 — по Марченко 1975: рис. 1: 22; 4 — по Доманский, Марченко 1980: рис. 10: 2; 5 — по Бессонова 1994: рис. 4: 5; 6 — по Яковенко 1971: рис. 2: 2).

Fig. 10. Incense cups from the Bug Region: 1 — grave 56/1901 of the Olbia necropolis; 2 — grave 110/1902 of the Olbia necropolis; 3 — Olbia; 4 — Kozyrka 2; 5 — barrow 67 у с. Яцковичи; 6 — Olbia (National History Museum of Ukraine); 7 — settlement Varvarovka; 8 — Olbia necropolis (1920) (1, 2, 8 — after Парович-Пешикан 1974: рис. 99: 2—4; 3 — after Марченко 1975: рис. 1: 22; 4 — after Доманский, Марченко 1980: рис. 10: 2; 5 — after Бессонова 1994: рис. 4: 5; 6 — after Яковенко 1971: рис. 2: 2).

ском музее. Сосуд с биконическим туловом, украшенным прочерченными горизонтальными и вертикальными линиями, происходит с поселения Варваровка на левом берегу Бугского лимана (рис. 10: 7)⁴.

⁴ Благодарим сотрудника лаборатории археологии и этнологии Института истории и права Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского Л.И. Смирнова за информацию об этой находке.

Крым

В Крыму известно 34 курильницы. Все они имеют раздутое тулово, выделенный поддон или достаточно массивное дно; их поверхность иногда лощёная — чёрного, серого или жёлтого цвета.

12 сосудов не орнаментированы: две курильницы из кургана 2, раскопанного Н.И. Веселовским в 1895 г. на землях Черкеса (рис. 11: 2, 3) (Колтухов 2001: 62; Колтухов 2004: 110), по одной — из некропо-

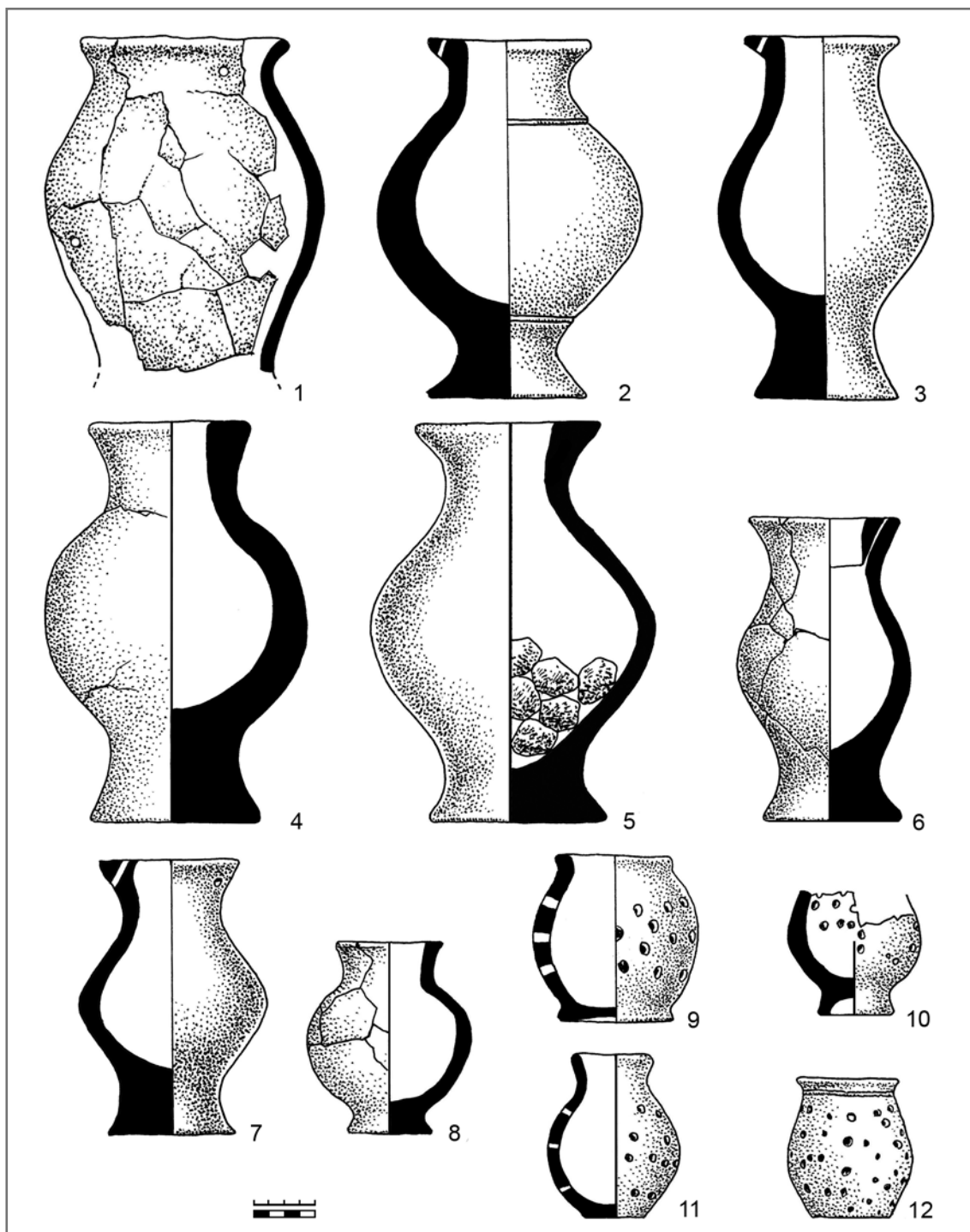

Рис. 11. Курильницы из Крыма без орнамента: 1 — погр. 1/8 у с. Красный Партизан; 2, 3 — курган Черкеса; 4 — курган 10 группы Сары-Кая; 5 — погр. 18 могильника Левадки; 6 — склеп 12/1 у с. Ленино; 7 — некрополь Керкитиды; 8 — погр. 6/1 у с. Ильичёво; 9 — могила 34 Неапольского могильника; 10 — городище Неаполь; 11 — могила 17 Беляусского могильника; 12 — могила 53 Беляусского могильника (1 — по Колтухов 2004: рис. 6: 13; 2, 3, 7, 9, 11 — по Дашевская 1991: табл. 46: 2, 3, 5; 47: 2, 4; 4 — по Зайцев, Мордвинцева 2010: рис. 3: 10; 5 — по Храпунов 2004: рис. 9: 2; 6, 8 — по Яковенко 1970: рис. 15: 11, 14; 10, 12 — по Дашевская 1980: рис. 5: 2; 6: 4).

Fig. 11. Incense cups from Crimea without ornament: 1 — b. 1/8 Krasnyj Partizan; 2, 3 — Cherkes barrow; 4 — barrow 10 Sary-Kaya; 5 — burial 18 of cemetery Levadki; 6 — crypt 12/1 Lenino; 7 — Kerkinitis' necropolis; 8 — b. 6/1 Ilyichovo; 9 — b. 34 of the Neapol' cemetery; 10 — settlement Neapol'; 11 — b. 17 of the Beljaus cemetery; 12 — b. 53 of the Beljaus cemetery (1 — after Колтухов 2004: рис. 6: 13; 2, 3, 7, 9, 11 — after Дашевская 1991: табл. 46: 2, 3, 5; 47: 2, 4; 4 — after Зайцев, Мордвинцева 2010: рис. 3: 10; 5 — after Храпунов 2004: рис. 9: 2; 6, 8 — after Яковенко 1970: рис. 15: 11, 14; 10, 12 — after Дашевская 1980: рис. 5: 2; 6: 4).

ля Керкинитиды (рис. 11: 7) (Мелюкова 1962: 159; Дашевская 1980: 18, рис. 1: 1; Дашевская 1991: 28, табл. 46: 3—5), южной погребальной камеры могилы 18 могильника Левадки (рис. 11: 5) (Храпунов 2004: 192, рис. 9: 2), погребений 6/1 у с. Ильичёво (рис. 11: 8) и 1/8 у с. Красный Партизан (рис. 11: 1), а также склепа 12/1 у с. Ленино (рис. 11: 6) (Яковенко 1970: 129—130, рис. 15: 11, 14; Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 144, 160, рис. 4: 13; 15: 2; Яковенко 1971: 91, рис. 4: 2, 3; Андреев 1992: 120, рис. 3: 7; Колтухов 2004: 110, рис. 6: 13; 7: 14, 15). Ещё одна курильница без орнамента происходит из кургана 10 группы Сары-Кая (рис. 11: 4). Появление подобных курильниц исследователи относят к IV в. до н.э. (Яковенко 1971: 91; Дашевская 1991: 28). Датировку этой группы культовых сосудов подтверждает находка курильницы из кургана 10 могильника Сары-Кая (рис. 11: 4), дата которого определяется бронзовым зеркалом в пределах конца IV — первой половины III в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева 2010: 172, рис. 3: 10).

Значительно позже, в пределах II—I вв. до н.э., и даже первыми веками н.э., датируются лепные неорнаментированные курильницы с раздутым туловом, на котором находятся сквозные отверстия (Дашевская 1980: 23—25; Дашевская 1991: 28); из могилы 34 Неапольского могильника (рис. 11: 9), из городища Неаполь (рис. 11: 10) и из могил 17 (рис. 11: 11) и 53 (рис. 11: 12) Беляусского могильника (Дашевская 1980: 24, рис. 5: 2, 3; 6: 3, 4; Дашевская 1991: 28, табл. 47: 2, 4).

15 сосудов из Крыма имеют прочерченный орнамент в виде горизонтальных, вертикальных и волнистых линий (в некоторых случаях заполненный белой пастой) и различных символов, в том числе и солярных.

11 подобных сосудов происходят из погребальных комплексов: две курильницы — из мавзолея Неаполя (рис. 12: 3, 4) (Шульц 1953: 34, рис. 16; 80; табл. XXI); по одной — из склепа Неапольского могильника 1926 г. (рис. 12: 2), «большого погребения» кургана 1949 г. на Неаполе (рис. 12: 11), кургана 12 у с. Кринички (рис. 12: 7), могилы 1 (рис. 12: 15) и земляного склепа 31 (рис. 12: 1) Беляусского могильника (Яковенко 1971: 90, рис. 1: 4—6; 4: 1, 1а; Дашевская 1980: 18—20, рис. 2; 3; Сымонович 1983: 80—81, рис. 6: 6, 8; Дашевская 1991: 28—30, рис. 46: 7—12; 47: 1), из склепов 1979 г. (рис. 12: 8) и №105 (рис. 12: 6) Битакского могильника (Зайцев, Мордвинцева 2004: 187, рис. 12: 1; Пуздровский 2007: 65, рис. 32: 3; 36: 1: 1); склепа №9 могильника Кара-Тобе (рис. 12:

5) (Внуков, Лагутин 2001: 105, 115, рис. 4: 183; Зайцев, Мордвинцева 2004: 187, рис. 12: 14) и из склепа №17 кургана 1 на некрополе Пантикапея (рис. 12: 9) (Мелюкова 1962: 159; Дебрюкс 2010: рис. 178: N).

Фрагменты курильниц с аналогичным орнаментом обнаружены на городищах Беляус (рис. 12: 10) и Калос Лимен (рис. 12: 14) (Дашевская 1980: 22—23; рис. 1: 2, 3).

В Одесском археологическом музее хранятся две курильницы, происхождение которых, хотя и неизвестно (Мелюкова 1962: 159; Яковенко 1971: 89), но всё же, судя по орнаменту, с большой степенью достоверности может быть связано с Крымом (Дашевская 1980: 21, 23, рис. 4: 1, 3). Первый сосуд, с четырьмя крупными отверстиями на тулове, имеет оригинальный орнамент (рис. 12: 12); второй — с отбитой горловиной, на подставке, тулово орнаментировано семью вертикальными линиями, разделяющими его на секции, в каждой из которых находятся по три отверстия, составляющие три горизонтальных ряда, причём отверстия среднего ряда окаймлены кругами, образуя солярные символы (рис. 12: 13).

Курильницы из склепов №9 могильника Кара-Тобе и №105 Битакского могильника, из городища Калос-Лимен, могилы 1 Беляусского могильника и из Одесского археологического музея имеют сквозные отверстия на тулове; сосуд из городища Беляус — в венчике.

Ещё семь крымских курильниц орнаментированы рельефными или прочерченными каннелюрами: из Неапольского кургана 1949 г. (рис. 13: 3) (Яковенко 1971: 88—89, рис. 1: 38), кургана 1 могильника Капак-Таш (рис. 13: 2) (Пуздровский 2007: рис. 54: 11). Ещё один подобный сосуд был обнаружен сотрудниками Крымской палеолитической экспедиции ИА НАНУ в 1992 г. при обследовании разрушенного современными грабителями кургана у с. Вишенное Белогорского района Крыма (рис. 13: 1) (Кропотов, Лесков 2006: 29—30, рис. 4: 2; Зайцев, Мордвинцева 2010: 171, рис. 1: 2).

Фрагмент придонной части курильницы с рельефными каннелюрами происходит из Тиритаки (рис. 13: 6) (Кастанян 1981: 74, рис. 15). Известны подобные курильницы и на скифских городищах: Кермен-Кыр (Пуздровский 2007: 65), Ак-Кая (рис. 13: 5) и из раскопок 1958 г. Неаполя Скифского, причём последняя, единственная из найденных в Крыму, имеет два ушка-упора без отверстий (рис. 13: 4). Очень условно в эту группу мы включаем курильницу из Ялтинского

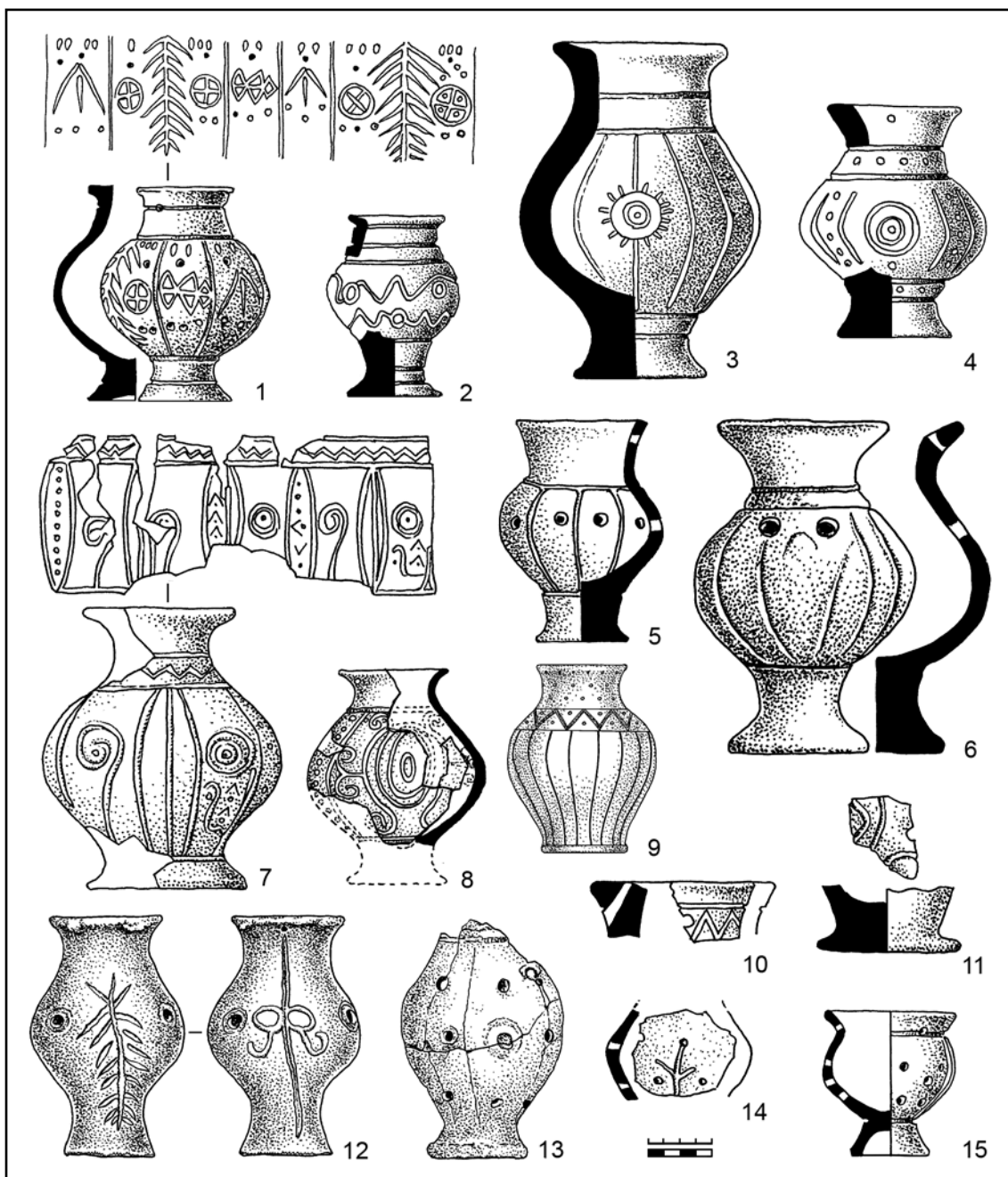

Рис. 12. Курильницы из Крыма с орнаментом в виде горизонтальных, вертикальных и волнистых линий и различных символов: 1 — склеп 31 Беляусского могильника; 2 — склеп Неапольского могильника 1926 г.; 3, 4 — мавзолей Неаполя; 5 — склеп №9 могильника Кара-Тобе; 6 — склеп №105 Битакского могильника; 7 — курган 12 у с. Кринички; 8 — склеп 1979 г. Битакского могильника; 9 — склеп №17 кургана 1 на некрополе Пантикапея; 10 — городище Беляус; 11 — «большое погребение» кургана 1949 г. на Неаполе; 12, 13 — Одесский археологический музей; 14 — городище Калос-Лимен; 15 — могила 1 Беляусского могильника (1, 10, 12—15 — по Дашевская 1980: рис. 1: 2, 3; 3; 4: 1, 3; 5: 1; 2—4, 11 — по Дашевская 1991: табл. 46: 6, 10—12; 5 — по Внуков, Лагутин 2001: рис. 4: 183; 6, 8 — по Пуздровский 2007: рис. 36: 1; 32: 3; 7 — по Яковенко 1971: рис. 4: 1, 1а; 9 — по Дебрюкс 2010: рис. 178: N).

Fig. 12. Incense cups from Crimea with ornament in the form of horizontal, vertical and wavy lines and different symbols: 1 — crypt 31 of the Beljaus cemetery; 2 — crypt of the Neapol's cemetery of 1926; 3, 4 — mausoleum of Neapol; 5 — crypt 9 of the Kara-Tobe cemetery; 6 — crypt 105 of the Bitakskij cemetery; 7 — barrow 12 Krinichki; 8 — crypt of 1979 of the Bitakskij cemetery; 9 — crypt 17 of barrow 1 of the Panticapaeum necropolis; 10 — Beljaus settlement; 11 — "big burial" of 1949 at Neapol; 12, 13 — Odessa Archaeological Museum; 14 — Kalos Limen settlement; 15 — burial 1 of the Beljaus cemetery (1, 10, 12—15 — after Дашевская 1980: рис. 1: 2, 3; 3; 4: 1, 3; 5: 1; 2—4, 11 — after Дашевская 1991: табл. 46: 6, 10—12; 5 — after Внуков, Лагутин 2001: рис. 4: 183; 6, 8 — after Пуздровский 2007: рис. 36: 1; 32: 3; 7 — after Яковенко 1971: рис. 4: 1, 1а; 9 — after Дебрюкс 2010: рис. 178: N).

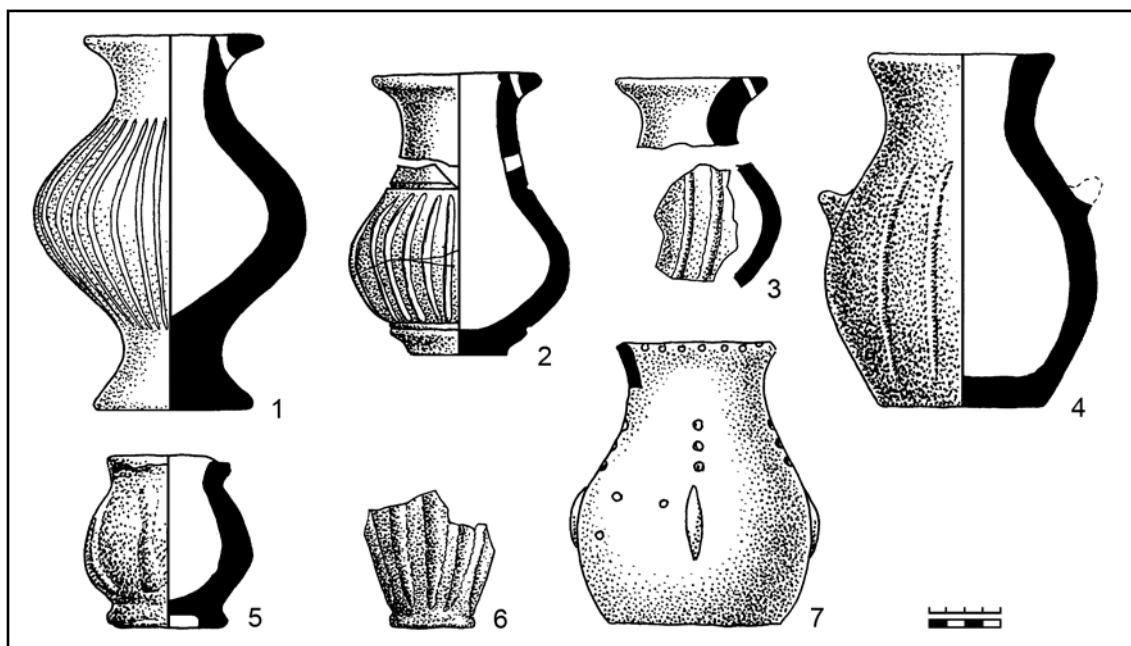

Рис. 13. Курильницы из Крыма с рельефными или прочерченными каннелюрами: 1 — курган у с. Вишенное; 2 — курган 1 могильника Капак-Таш; 3 — Неапольский курган 1949 г.; 4 — Неаполь Скифский (1958 г.); 5 — городище Ак-Кая; 6 — Тиритака; 7 — Ялтинский музей (1 — по Кропотов, Лесков 2006: рис. 4: 2; 2 — по Пуздровский 2007: рис. 54: 11; 3 — по Яковенко 1971: рис. 1: 3; 6 — по Кастанян 1981: рис. 15; 7 — по Дашевская 1991: табл. 47: 3).

Fig. 13. Incense cups from Crimea with relief or incised flutes: 1 — barrow Vishennoe; 2 — barrow 1 of the Capac-Tash cemetery; 3 — Neapol's barrow of 1949; 4 — Neapol Scythian (1958); 5 — Ak-Kaya settlement; 6 — Tiritaka; 7 — Yalta Museum (1 — after Кропотов, Лесков 2006: рис. 4: 2; 2 — after Пуздровский 2007: рис. 54: 11; 3 — after Яковенко 1971: рис. 1: 3; 6 — after Кастанян 1981: рис. 15; 7 — after Дашевская 1991: табл. 47: 3).

музея, которая имеет четыре симметричных вертикальных налпа и сквозные отверстия на тулове (рис. 13: 7) (Дашевская 1991: табл. 47: 3)⁵.

Орнаментированные сосуды традиционно датируют II—I вв. до н. э. (Дашевская 1980: 20; Дашевская 1991: 28—30). Однако находка курильницы с каннелюрами в слое пожара при раскопках святилища у оборонительной стены (сектор 6D) на городище Ак-Кая в Центральном Крыму свидетельствует, что подобные курильницы появляются, по крайней мере, в середине III в. до н. э., если не на рубеже IV—III вв. до н. э.⁶

⁵ В литературе можно найти упоминание о других курильницах из Крыма. Так, П.Н. Шульц сообщает ещё о двух находках фрагментов курильниц из раскопа «Б» 1948 г. и раскопа «А» 1949 г. в Неаполе Скифском, но не сообщает о них ничего более (Шульц 1953: 62, примечание 46), что не позволяет учитывать эти сосуды в нашей выборке.

⁶ Материалы с городища Ак-Кая и курильница с ушками из Неаполя Скифского не опубликованы. Благодарим канд. ист. наук Ю.П. Зайцева за возможность опубликовать сосуды и за устное сообщение относительно хронологического контекста находки курильницы на городище Ак-Кая.

Поднепровье

В Поднепровье известно 13 курильниц.

На поселениях Нижнего Поднепровья обнаружены семь курильниц. Целый сосуд найден у южной стороны очага помещения 8 на городище Золотая Балка, он имеет оригинальный орнамент на тулове и венчике, в котором есть два отверстия для подвешивания (рис. 14: 6) (Яковенко 1971: 89, рис. 2: 1; Дашевская 1980: 21; Гаврилюк 2009: 130, рис. 11: 4). Само сооружение, насколько можно судить по последней публикации, датировано III — началом II вв. до н. э. (Гаврилюк 2009: 139). На Знаменском городище в слое II в. до н. э. (?) обнаружен фрагмент придонной части курильницы со сквозными отверстиями между прочерченными вертикальными каннелюрами (рис. 14: 4) (Погребова 1958: 140—141, рис. 16: 8). Четыре курильницы с рельефными каннелюрами происходят из Капуловского поселения. Целый сосуд (рис. 14: 8) и фрагмент другого (рис. 14: 9) опубликованы А.Г. Плешивенко, при этом упоминается ещё один фрагмент (Плешивенко 2000: 224—226, рис. 3: 1, 2). Ещё одна курильница Капуловского поселения представляет со-

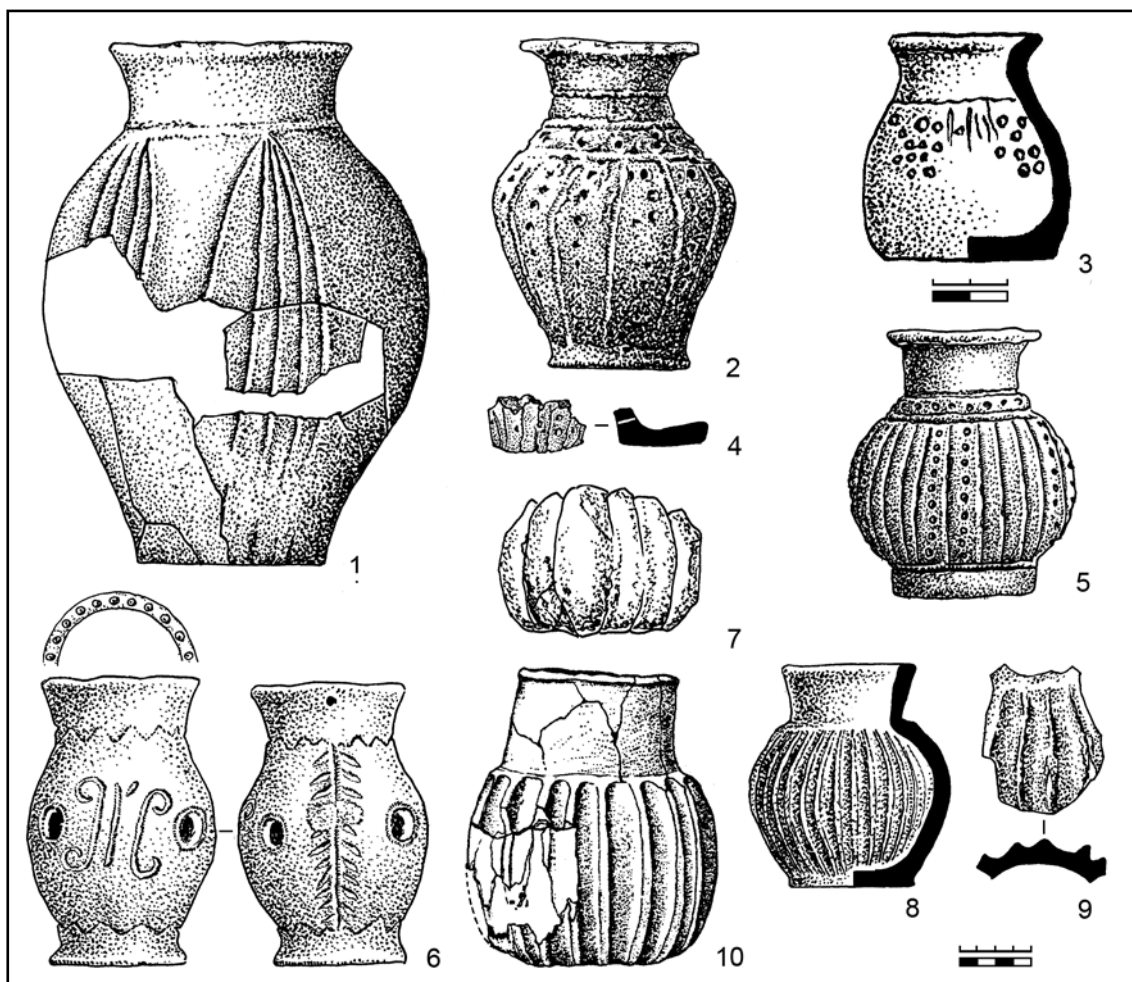

Рис. 14. Курильницы из Поднепровья: 1 — погр. 45/1 могильника Широкое-II; 2 — погр. 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина; 3 — погр. 2 кургана 1882 г. в ур. Замковщина; 4 — Знаменское городище; 5 — Кагамлык; 6 — городище Золотая Балка; 7—9 — Капуловское поселение; 10 — погр. 10/2 у с. Тягинка (1 — по Черненко, Бунятян 1977: рис. 3: 10; 2, 5 — по Кулатова, Супруненко 1999: рис. 3, 4; 3 — по Супруненко 2000: 218; 4 — по Погребова 1958: рис. 16: 8; 6 — по Гаврилюк 2009: рис. 11: 4; 8, 9 — по Плешивенко 2000: рис. 3: 1, 2; 10 — по Евдокимов, Куприй 1991: рис. 24: 16, 17).

Fig. 14. Incense cups from the Dnieper Region: 1 — b. 45/1 of the Shirokoe-II cemetery; 2 — b. 1 of the barrow of 1882 Zamkovschina; 3 — b. 2 of the barrow of 1882 Zamkovschina; 4 — Znamenskoye settlement; 5 — Kagamlyk; 6 — Zolotaja Balka settlement; 7—9 — Kapulovskoye settlement; 10 — b. 10/2 Tyaginka (1 — after Черненко, Бунятян 1977: рис. 3: 10; 2, 5 — after Кулатова, Супруненко 1999: рис. 3, 4; 3 — after Супруненко 2000: 218; 4 — after Погребова 1958: рис. 16: 8; 6 — after Гаврилюк 2009: рис. 11: 4; 8, 9 — after Плешивенко 2000: рис. 3: 1, 2; 10 — after Евдокимов, Куприй 1991: рис. 24: 16, 17).

бой «чашу», изготовленную из нижней части курильницы⁷ (рис. 14: 7). Все эти находки представляют собой подъяемый материал с поселения, которое функционировало, судя по опубликованным амфорным клеймам, с конца V в. до н.э. до первой четверти II в. до н.э. (Плешивенко 2000: 230). До настоящего времени не опубликованы фрагменты лепных курильниц из раскопок Каменского городища 1939 г., хранящиеся в Никопольском краеведческом музее. В литературе можно найти

предположительную датировку сосудов — рубеж IV—III вв. до н.э. (Полин 1992: 46, 47).

В погребальных комплексах известны шесть курильниц. Три из них происходят из Лесостепного Левобережного Поднепровья. Два сосуда украшены резными каннелюрами по тулову. Первая курильница обнаружена в погребении 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (г. Лубны) — тулово орнаментировано вертикальными полосами, пространство между которыми заполнено мелкими наколами, а иногда сквозными отверстиями, а плечо сосуда — двумя бороздками по кругу, между которыми располагался ряд вдавлений (рис. 14: 2). Захоронение в Лубнах

⁷ Благодарим находчика П. В. Мостового (г. Никополь) за возможность опубликовать эту находку.

было совершено по обряду трупоположения, погребённый лежал головой на север, у его левого плеча находилась лепная миска с костью лошади — все эти детали сближают лубенское захоронение со множеством скифских погребений, исследованных на могильнике у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика 2012), хотя оно было совершено в прямоугольной яме. Однако авторы публикации курильницы из ур. Замковщина настаивают, что комплекс, в котором она была обнаружена, «в полной мере следует считать сарматским» (Кулатова, Супруненко 1999: 148—149, рис. 3), что, по нашему мнению, не соответствует действительности. Вторая курильница, практически идентичная лубенской, происходит из с. Кагамлык (рис. 14: 5) Глобинского района Полтавской области (Кулатова, Супруненко 1999: 149, рис. 4). В кургане 1882 г. в ур. Замковщина была обнаружена ещё одна курильница — в погребении 2. Этот миниатюрный сосуд украшен едва заметными вертикальными прочерченными линиями и ямками на плече (рис. 14: 3); внутри сосуда зафиксировано смолистое вещество. Комплекс был датирован концом VI—V в. до н. э. без должных на то оснований (Супруненко 2000: 217, рис. на стр. 218).

Ещё три курильницы обнаружены в скифских погребениях Нижнего Поднепровья. Один из сосудов найден в захоронении 45/1 могильника Широко-П, который, судя по бронзовым наконечникам стрел, датируется первой половиной IV в. до н. э. В публикации курильница с резным орнаментом в виде групп из трёх и четырёх линий, свисающих от горизонтальных линий (рис. 14: 1), называется «горшком» (Черненко, Бунятян 1977: 64, рис. 3: 10). Подобный орнамент встречается на курильницах, в том числе и в погребении 49/1 могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (рис. 6: 1), а найденный в захоронении могильника Широко-П «овальный камешек со следами огня» (Черненко, Бунятян 1977: 64) дополнительно свидетельствует о том, что сосуд использовался в качестве курильницы.

Из погребения 10/2 у с. Тягинка Херсонской области происходит курильница с рельефными каннелюрами, внутри которой были обнаружены пережжённая органика и три округлых камня (рис. 14: 10) (Евдокимов, Куприй 1991: 29, рис. 24: 16, 17)⁸. На основании чер-

нолакового канфара захоронение может быть датировано последней четвертью IV в. до н. э. Курильница с рельефными каннелюрами была обнаружена вместе с бронзовым зеркалом в разрушенном скифском кургане рубежа IV—III вв. до н. э. у пгт. Большая Александровка Херсонской области (Полин 1992: 47)⁹.

Приазовье

В Приазовье известны четыре курильницы.

Одна из них была обнаружена в погребении 5/12 у с. Белоярка Амвросиевского района Донецкой области, в низовьях р. Крынка, правого притока р. Миус. Это сосуд с невысоким венчиком, раздутым в средней части туловом и массивным дном. Орнамента на сохранившихся частях сосуда не имеется (рис. 15: 1). Погребальный комплекс на основании чернотлакового канфара был датирован последней четвертью IV в. до н. э., а вопрос о его этнокультурной атрибуции (скифской или сарматской) остался так и не решённым (Зарайская 1992: 89—90, 93—95, рис. 2: 2).

Из Беглицкого некрополя происходят две курильницы с вертикальными каннелюрами. В 1928 г. при исследовании разрушающегося кургана обнаружены фрагменты лепного сосуда с «сильно выпуклыми рёбрами и углублениями между ними, расходящимися правильными радиусами, от центра дна к венцу» (Миллер, Луин 1928: 51). Вторая курильница обнаружена при исследовании кургана № 7 Беглицкого некрополя. Захоронение было совершено в могиле катакомбного типа. Венчик сосуда отогнут, край венчика плоско срезан, тулово яйцевидное (рис. 15: 2) (Прохорова 1993: 39, 168, рис. 4: 1; 1994: 21). Большинство захоронений могильника у Беглицкой косы датируется второй половиной IV — первой половиной III в. до н. э. (Коваленко 2006, 53; Меньшикова 2012: 107).

⁹ В литературе можно найти упоминание ещё об одной «курильнице» из Нижнего Поднепровья — из погребения 8/2 у с. Вольная Украина, — которая имеет два сквозных отверстия под венчиком и два ряда точечных наколов на шейке (Болдин, Зарайська 1972: 118; Ольховский 1991: 116). Сосуд до настоящего времени не опубликован. Осмотр этого сосуда, хранящегося в фондах ИА НАНУ, показал, что он является обыкновенным миниатюрным скифским горшком, который напоминает курильницу только наличием двух сквозных отверстий под венчиком. Благодарим канд. ист. наук С. В. Полина за оказанную помощь.

⁸ Благодарим н.с. Института археологии НАНУ Н. М. Куприя за возможность опубликовать рисунок курильницы.

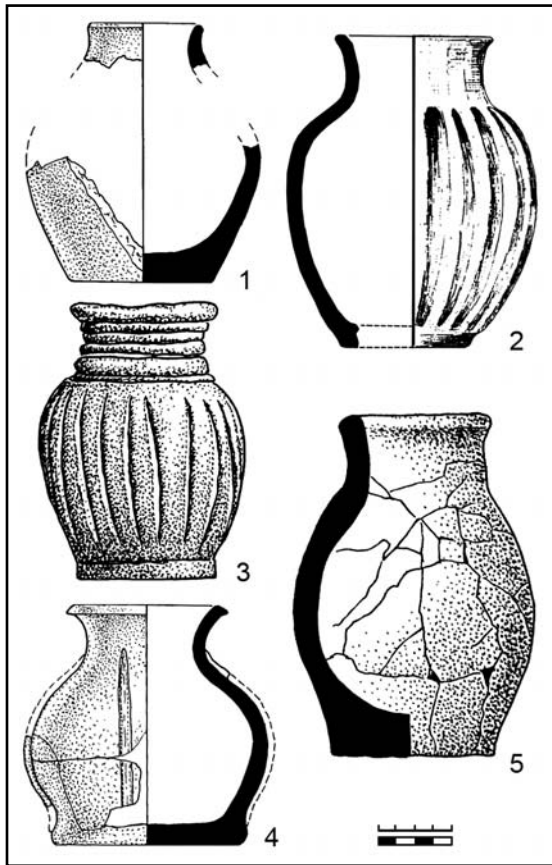

Рис. 15. Курильницы из Приазовья (1, 2) и Подонцовья (3—5): 1 — погр. 5/12 у с. Белоярка; 2 — курган №7 Беглицкого некрополя; 3 — погр. у с. Ярёмовка; 4 — Циркуновское городище; 5 — погр. 2/2 Беловодского могильника (1 — по Зарайская 1992: рис. 2: 2; 2 — по Прохорова 1997: рис. 4: 1; 3 — по Макаревич 1957: рис. 2; 4 — по Пеляшенко 2011: рис. 53: 5; 70: 5; 5 — по Ключева 2003: рис. 5).

Fig. 15. Incense cups from the Azov Region (1, 2) and Seversky Donets region (3—5): 1 — b. 5/12 Beloyarka; 2 — b. 7 of Beglitsa cemetery; 3 — b. Yaremovka; 4 — Tsirkunovskoe settlement; 5 — b. 2/2 of the Belovodskiy cemetery (1 — after Зарайская 1992: рис. 2: 2; 2 — after Прохорова 1997: рис. 4: 1; 3 — after Макаревич 1957: рис. 2; 4 — after Пеляшенко 2011: рис. 53: 5; 70: 5; 5 — after Ключева 2003: рис. 5).

С территории Ново-Золотовского городища, расположенного на южном берегу Миусского полуострова, происходит фрагмент тулова лепной курильницы с объёмными каннелюрами (рис. 16: 22) (Каменецкий 1956: рис. 43). Слои, в которых обнаружен сосуд, относятся к скифо-античному времени.

Подонцовье

В Подонцовье курильницы известны в двух погребениях: у с. Ярёмовка и 2/2 Беловодского могильника. Первый сосуд обнаружен в скифском грунтовом погребении IV — начала III в. до н.э., исследован-

ном в 1929 г. на левом берегу р. Северский Донец, у с. Ярёмовка Изюмского района Харьковской области. Сосуд довольно близок находкам из Лубен и Кагамлыка и отличается от последних только тем, что пространство между его каннелюрами на тулове и бороздками по горловине не заполнено дополнительными элементами, наковы есть только на венчике, а плитчатый поддон подчёркнут ещё одной бороздкой (рис. 15: 3) (Макаревич 1957: 146—147, рис. 2; Полин, Симоненко 1990: 79, 81, рис. 1: 1).

Курильница из погребения 2/2 Беловодского могильника не имеет орнамента на тулове (рис. 15: 5), и была найдена с пятью камнями внутри. Помимо этого, среди инвентаря захоронения были обнаружены железные трёхлопастные и бронзовые трёхгранные наконечники стрел, бронзовый поясной/колчанный крюк, железный нож с костяной рукоятью и костяной гребень, а также фрагмент бронзового котла (Ключева 2003: 293, рис. 5). Определение этнокультурной атрибуции и дата комплекса в его публикации не содержится (Ключева 2003), однако мы считаем, что есть все основания считать его скифским и датировать концом IV — первой половиной III в. до н.э. на основании бронзового трёхгранного и железных втульчатых наконечников стрел.

Курильница с четырьмя симметричными рельефными каннелюрами известна среди материалов Циркуновского городища (рис. 15: 4) в Среднем Подонцовье. Слой, из которого она происходит, датируется в пределах конца V — конца IV в. до н.э. (Пеляшенко 2011: 11—12, рис. 53: 5; 70: 5)¹⁰.

Среднее Подонье

Из городищ Среднего Подонья происходят четыре лепные курильницы, украшенные вертикальными каннелюрами, и одна без орнамента.

Целый сосуд происходит с городища у с. Круглое (рис. 16: 23) (Либеров 1965: табл. II: 13) и по одному фрагменту с Волошинского 1 городища и городища Большое Сторожевое. Все три сосуда каннелированные. Распространение этой керамики относится к III в. до н.э. (Пузикова 1969: 62, 66, рис. 3: 8; 9: 11, 12). Ещё две курильницы най-

¹⁰ Раскопки м. н. с. Харьковского исторического музея К. Ю. Пеляшенко 2010 г. Благодарим автора за возможность опубликовать рисунок курильницы и за содействие относительно хронологического контекста находки.

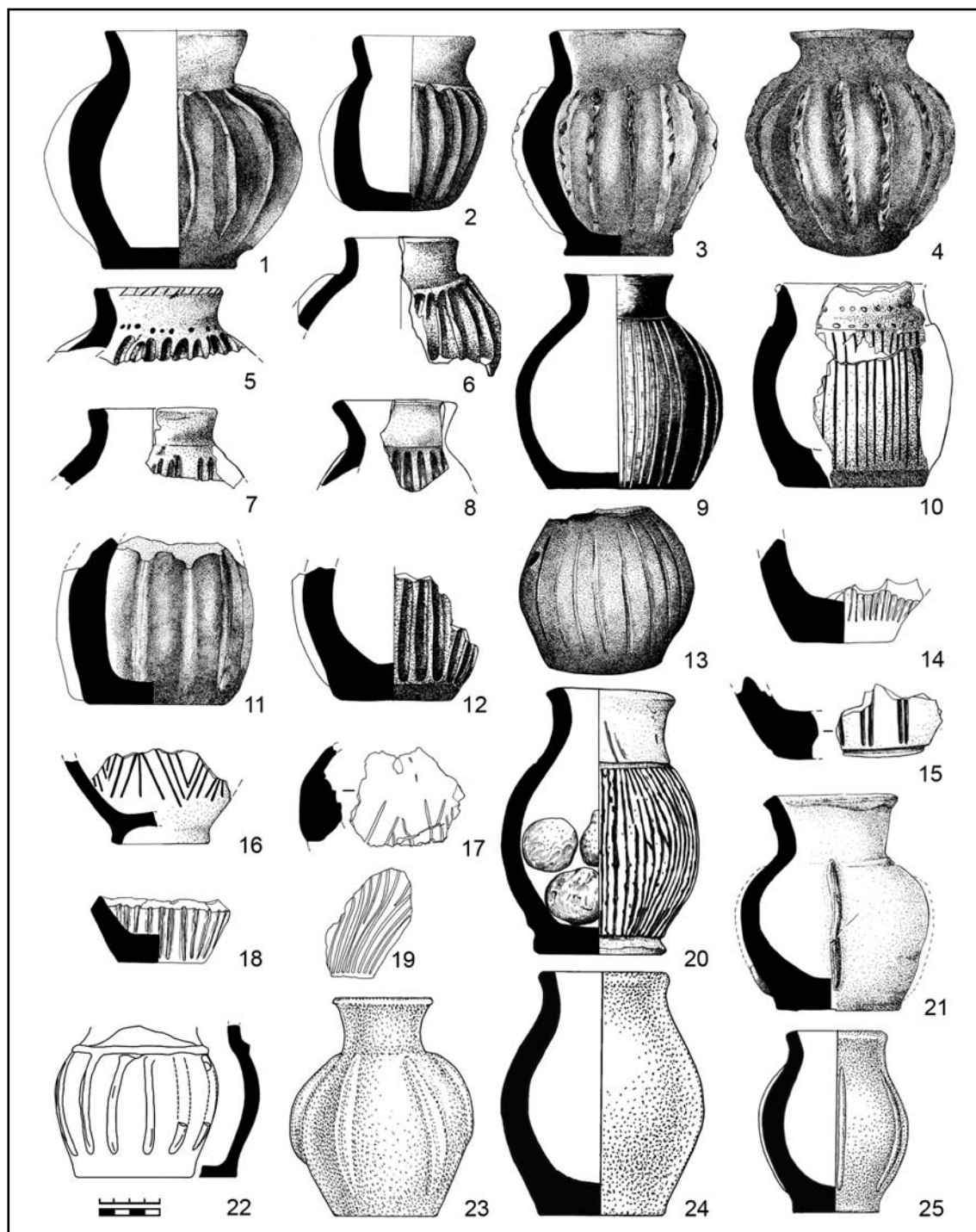

Рис. 16. Курьльницы из Нижнего (1—22) и Среднего (23—25) Подонья: 1—19 — Елизаветовское городище; 20 — погр. 242 грунтового некрополя Танаиса; 21 — погр. 5 Нижнегниловского городища 2003 г.; 22 — Ново-Золотовское городище; 23 — городище Круглое; 24, 25 — Семилукское городище (13 — по Шилов 1958: рис. 16: 2; 20 — АМЗТ, 314/634; 22 — по Каменецкий 1956: рис. 43; 23 — по Пузикова 1969: рис. 3: 8; 24, 25 — по Пряхин, Разуваев 1995: рис. 7: 9, 11).

Fig. 16. Incense cups from the Lower (1—22) and Middle (23—25) Don region: 1—19 — Elizavetovskoe settlement; 20 — b. 242 of the ground necropolis of Tanais; 21 — b. 5 of the Nizhnegnilovskiy settlement (2003); 22 — Novo-Zolotovskoe settlement; 23 — Krugloe settlement; 24, 25 — Semilukskoe settlement (13 — after Шилов 1958: рис. 16: 2; 20 — АМЗТ, 314/634; 22 — after Каменецкий 1956: рис. 43; 23 — after Пузикова 1969: рис. 3: 8; 24, 25 — after Пряхин, Разуваев 1995: рис. 7: 9, 11).

дены при исследовании Семилукского городища: одна из них украшена рельефными каннелюрами (рис. 16: 25), а другая —

не имеет никакого орнамента и носит следы воздействия высокой температуры (рис. 16: 24). Обе курьльницы названы сосудами

ритуального назначения, а время функционирования городища отнесено к концу IV — началу III в. до н. э. (Пряхин, Разуваев 1995: 56, 58, 66, рис. 7: 9, 11).

Нижнее Подонье

Из материалов Елизаветовского городища происходят 22 лепные курильницы с вертикальными каннелюрами. Основная масса курильниц повторяет форму I типа лепных сосудов Елизаветовского городища по классификации К. К. Марченко (1972: 126—127; 1973: 66). Некоторые сосуды дополнительно орнаментировались насечками по краю венчика, оттиском полой палочки или срезанным стержнем пера по плечам, а у двух экземпляров каннелюры украшались защипами (рис. 16: 1—19) (Меньшикова 2012: 106—107, рис. 1: 1—11). Одна из курильниц в верхней части тулова имеет два отверстия для подвешивания, внешняя поверхность имеет лощение (Шилов 1958: 6, рис. 16: 2). По форме этот сосуд имеет значительное сходство с курильницами из могильников Прикубанья: у него отсутствует венчик (рис. 16: 13). Внутренняя поверхность стенок курильниц — со следами нагара. Курильницы с каннелюрами датируются концом IV — первой третью III в. до н. э. и относятся ко времени существования Большой греческой колонии Елизаветовского городища. Однако отметим, что одна из курильниц происходит из материалов первой греческой колонии, так называемого «квартала», функционировавшего на территории скифского Елизаветовского городища во второй половине — конце IV вв. до н. э. (Марченко 1988: 15—16).

Две курильницы с каннелюрами обнаружены при исследовании грунтового некрополя Танаиса. Тулово одной из них сплошь покрыто прочерченными каннелюрами, ограниченными у горла и придонной части горизонтальными врезными линиями (Ильяшенко 2012: рис. 1374: 2) (рис. 16: 20). Погребение датируется II в. до н. э.¹¹. Вторая курильница, с рельефными каннелюрами, происходит из разрушенного погребения¹². Встречаются обломки лепных сосудов, украшенных вертикальными каннелюрами, и в ранних слоях самого городища Танаис. Один из фрагментов лощеной курильницы был обнаружен в запол-

нении ямы III—II вв. до н. э. (Арсеньева 1969: 201, табл. I: 11; Меньшикова 2012: 107).

Из разрушенного погребения Нижнегниловского городища, расположенного в низовье Дона, происходит курильница с четырьмя вертикальными рельефными каннелюрами (рис. 16: 21). Предположительное время совершения захоронения — II—I вв. до н. э. (Копылов, Коваленко 2004: 36—37; Меньшикова 2012: 107, 109, рис. 1: 12).

Азиатский Боспор

На территории Азиатского Боспора лепная курильница с симметрично прочерченными вертикальными каннелюрами была обнаружена в земляном склепе 78, который был сооружен не ранее III в. до н. э. на территории городища Тиамба (рис. 17: 1) (Коровина 1984: табл. XLVIII: 13, 14).

* * *

До настоящего времени попытка создания типологии лепных курильниц из скифских памятников предпринималась единожды — и только для Северо-Западного Причерноморья. Е. Ф. Редина, используя опубликованные курильницы из скифских курганов Тираспольщины, а также неопубликованные из придунайских могильников Кургурлуй и Градешка и из Надлиманского городища в левобережном Поднестровье, выделила два типа сосудов: I — «с раздутыми боками и суженной горловиной» со сквозными отверстиями; II — «с прямым горлом, резко переходящим в околоскушевидное тулово». Отметим, что исследовательница оперировала всего 15 сосудами из скифских погребений, три из которых были отнесены к I типу, а 12 — ко II типу (Редина 1989: 133, 134).

Находки значительного числа курильниц на могильнике у с. Глиное и из других регионов и памятников Северного Причерноморья позволяют предложить новую типологию этих сосудов, в которой признаком для выделения типа является общий профиль сосуда, для подтипа — наличие более или менее выделенной ножки, для варианта — наличие или отсутствие ушек (рис. 18), при этом не учитывается орнамент (или его отсутствие), который ни в одном случае не может являться типом- или вариантообразующим признаком¹³.

¹¹ Благодарим канд. ист. наук С. М. Ильяшенко за возможность опубликовать рисунок сосуда и за содействие о датировке погребения.

¹² Благодарим канд. ист. наук И. В. Толочко за устное сообщение.

¹³ Авторами настоящей типологии являются В. С. Сеника и Н. П. Тельнов.

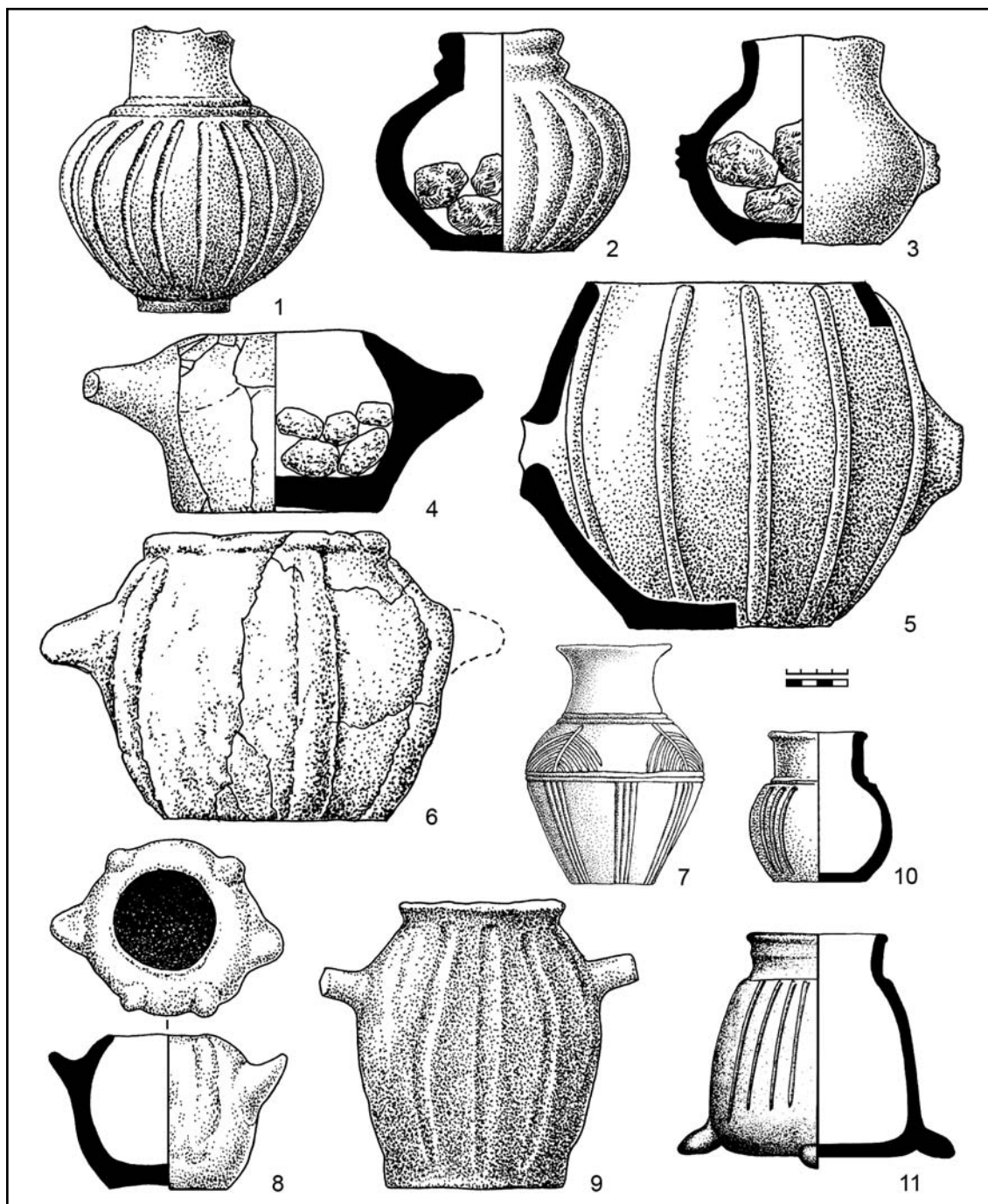

Рис. 17. Курильницы из Азиатского Боспора (1), Кавказа (2, 3), Прикубанья (4—9) и Урала (10): 1 — Тирамба; 2, 3 — Ханкальский могильник; 4 — погр. 283з могильника №2 Старокорсунского городища; 5 — погр. 4 могильника Пашковский; 6 — погр. 6/7 могильника Уляп I; 7 — погр. 43 могильника №2 городища у хут. Ленино; 8 — погр. 60 кургана скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища; 9 — скопление 11 в кургане 6 могильника Уляп; 10 — погр. 9/4 могильника Лебедёвка V; 11 — погр. 9/5 могильника Лебедёвка V (1 — по Коровина 1984: табл. XLVIII: 13, 14; 2, 3 — по Байбик и др. 1969: рис. 1: 1, 4; 4 — по Лимберис, Марченко 1997: рис. 1: 5; 5 — по Смирнов 1958: рис. 9: 16; 6 — по Лесков и др. 2005: рис. 40: 10; 7 — по Шедевры... 1987: рис. 48; 8 — по Раев, Беспалый 2006: табл. 7: 4; 34: 1; 35: 6; 9 — по Соколовица... 1985: кат. 408; 10, 11 — по Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 23: 2; 25: 1).

Fig. 17. Incense cups from the Asian Bosphorus (1), the Caucasus (2, 3), Kuban region (4—9) and the Ural (10): 1 — Tiramba; 2, 3 — Hankala cemetery; 4 — b. 283z of cemetery №2 of the Starokorsunskoe settlement; 5 — b. 4 of the Paszkowski cemetery; 6 — b. 6/7 of the Ulyap I cemetery; 7 — b. 43 of cemetery №2 of the settlement Lenino; 8 — b. 60 of the Scythian time barrow in a ground necropolis of the IVth Novolabinskoe settlement; 9 — clustering 11 in barrow 6 of the Ulyap cemetery; 10 — b. 9/4 of the Lebedevka V cemetery; 11 — b. 9/5 of the Lebedevka V cemetery (1 — after Коровина 1984: табл. XLVIII: 13, 14; 2, 3 — after Байбик и др. 1969: рис. 1: 1, 4; 4 — after Лимберис, Марченко 1997: рис. 1: 5; 5 — after Смирнов 1958: рис. 9: 16; 6 — after Лесков и др. 2005: рис. 40: 10; 7 — after Шедевры... 1987: рис. 48; 8 — after Раев, Беспалый 2006: табл. 7: 4; 34: 1; 35: 6; 9 — after Соколовица... 1985: кат. 408; 10, 11 — after Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 23: 2; 25: 1).

Вариант Тип	1	2
I А		
I Б		—
II А		
II Б		
III А		
III Б	—	—
IV А		—
IV Б	—	

Рис. 18. Типология лепных курильниц.

Fig. 18. Typology of hand-molded incense cups.

При создании настоящей классификации учтены находки 147 курильниц: из Добруджи (1 экз.), Подунавья (1 экз.), Поднестровья (82 экз., в том числе 71 экз. с могильника у с. Глиное), Побужья (7 экз.), Крыма (29 экз.), Поднепровья (7 экз.), Приазовья (2 экз.), Подонцовья (3 экз.), Среднего (3 экз.) и Нижнего (10 экз.) Подонья, Азиатского Боспора (1 экз.); остальные известные курильницы представлены недостаточно информативными фрагментами.

К *I типу* относится 61 курильница. Тулово сосудов имеет максимальное расширение в верхней части.

Вариант 1 представлен 43 сосудами без ушек: из захоронений 24/1 могильника Курчи в Нижнем Подунавье (рис. 1: 2); два сосуда с поселения Надлиманское (рис. 2: 11, 13), из курганов 275 у с. Глиное (рис. 2: 1), 173 у с. Парканы (рис. 2: 2), 403 у с. Чобручи (рис. 2: 6) и 18 погребальных комплексов могильника у с. Глиное: 12/1 (рис. 3: 9), 14/2 (рис. 3: 12), 23/1 (рис. 4: 4), 24/1 (рис. 4: 5), 33/1

(рис. 5: 2), 41/1 (рис. 5: 8), 47/1 (рис. 5: 12), 49/1—2 экз. (рис. 6: 1, 2), 65/1 (рис. 6: 12), 66/1 (рис. 7: 1), 75/1 (рис. 7: 5), 81/3 (рис. 7: 9), 86/1 (рис. 7: 11), 88/1 (рис. 7: 13), 100/1 (рис. 8: 6), из овра кургана 106 (рис. 8: 8), 107/3 (рис. 8: 9) в Поднестровье; из кургана 67 у с. Яцковичи (рис. 10: 5), из Ольвии: из некрополя — могилы 56/1901 (рис. 10: 1), раскопок 1920 г. (рис. 9: 8) и территории города (Национальный музей истории Украины) (рис. 10: 6) в Побужье; из погребений 1/8 у с. Красный Партизан (рис. 11: 1) и 6/1 у с. Ильичёво (рис. 11: 8), из склепа №17 кургана 1 на некрополе Пантикапея (рис. 12: 9) и могилы 1 Беляусского могильника¹⁴ (рис. 12: 15) в Крыму; из погребения 45/1 могильника Широко-е-II (рис. 14: 1), из захоронения 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 2) и с Капуловского поселения (рис. 14: 8) в Поднепровье; из погребений 5/12 у с. Белоярка (рис. 15: 1) и кургана №7 Беглицкого некрополя (рис. 15: 2) в Приазовье; из захоронения у с. Яремевка (рис. 15: 3) в Подонцовье; три сосуда из Елизаветовского городища (рис. 16: 1, 3, 4) и из погребения 5 Нижнегниловского городища (рис. 16: 21) в Нижнем Подонье; из некрополя Тиранбы (рис. 17: 1) в Азиатском Боспоре.

Во 2 вариант включаются 18 курильниц, снабжённых ушками: из некрополя г. Томы в Добрудже (рис. 1: 1); из кургана 399 у с. Чобручи (рис. 2: 4) и из разрушенного погребения в г. Тирасполь (рис. 2: 7), а также из 15 захоронений могильника у с. Глиное в Поднестровье: 7/1 (рис. 3: 4), 11/1 (рис. 3: 8), 19/2 (рис. 4: 2), 20/1 (рис. 4: 3), 28/1 (рис. 4: 7), 31/1 (рис. 4: 8), 33/1 (рис. 5: 1), 37/1 (рис. 5: 5), 38/1 (рис. 5: 6), 61/1 (рис. 6: 9), 62/1 (рис. 6: 10), 74/1 (рис. 7: 4), 80/1 (рис. 7: 8), 89/3 (рис. 7: 14) и 95/1 (рис. 8: 3).

Из 61 курильницы I типа большинство (58 экз.) относятся к *подтипу I А*, т. е. у них нет выделенной ножки. Только три сосуда 1 варианта принадлежат *подтипу I Б* — с выделенной ножкой: из погребения 41/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье, из захоронения 6/1 у с. Ильичёво и могилы 1 Беляусского могильника в Крыму.

Курильниц *II типа* — с максимальным расширением тулова в средней части — в настоящее время известно больше (73 экз.).

1 варианту принадлежат 56 курильниц без ушек: из курганов 288 (рис. 2: 3) и 400 (рис. 2: 5) у с. Чобручи, погребений 2/2 (рис. 3: 1), 6/3

¹⁴ Сосуд имеет полную ножку.

(рис. 3: 3), 8/1 (рис. 3: 5), 9/1—2 экз. (рис. 3: 6, 7), 35/1 (рис. 5: 3), 45/1 (рис. 5: 10), 51/1 (рис. 6: 3), 53/1 (рис. 6: 5), 55/1 (рис. 6: 7), 60/1 (рис. 6: 8), 63/1 (рис. 6: 11), 69/2 (рис. 7: 3), 79/1 (рис. 7: 7), 88/1 (рис. 7: 12), 94/1 (рис. 8: 2), 108/1 (рис. 8: 10) могильника у с. Глиное в Поднестровье; из могилы 110/1902 некрополя Ольвии (рис. 10: 2) и из города Ольвия (рис. 10: 3), с поселения Варваровка (рис. 10: 7) в Побужье; два сосуда из кургана на землях Черкеса (рис. 11: 2, 3), из кургана 10 группы Сары-Кая (рис. 11: 4), из погребения 18 могильника Левадки (рис. 11: 5), из склепа 12/1 у с. Ленино (рис. 11: 6), из некрополя Керкинитиды (рис. 11: 7), из склепов 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1) и Неапольского могильника 1926 г. (рис. 12: 2), два сосуда из мавзолея Неаполя (рис. 12: 3, 4), из склепов №9 могильника Кара-Тобе (рис. 12: 5) и №105 Битакского могильника (рис. 12: 6), из кургана 12 у с. Кринички (рис. 12: 7), из склепа 1979 г. Битакского могильника (рис. 12: 8), два сосуда, хранящиеся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12, 13), из кургана у с. Вишенное (рис. 13: 1), из кургана 1 могильника Капак-Таш (рис. 13: 2), с городища Ак-Кая (рис. 13: 5)¹⁵, из могилы 34 Неапольского могильника (рис. 11: 9), из городища Неаполь (рис. 11: 10), из могил 17 (рис. 11: 11) и 53 Беляусского могильника (рис. 11: 12) в Крыму; из погребения у с. Кагамлык (рис. 14: 5) и с городища Золотая Балка (рис. 14: 6) в Поднепровье; с Циркуновского городища (рис. 15: 4) и погребения 2/2 Беловодского могильника (рис. 15: 5) в Подонцовье; из городища Круглое (рис. 16: 23) и два сосуда с Семилукского городища (рис. 16: 24, 25) в Среднем Подонье; два сосуда из Елизаветовского городища (рис. 16: 9, 13), из Нижнегниловского городища (рис. 16: 22), из погребения 242 грунтового некрополя Танаиса (рис. 16: 20) в Нижнем Подонье.

Ко 2 варианту относятся 17 сосудов с ушками: 16 — из погребений 13/1 (рис. 3: 10), 19/2 (рис. 4: 1), 32/1 (рис. 4: 9), 36/1 (рис. 5: 4), 42/1 (рис. 5: 9), 46/3 (рис. 5: 11), 52/1 (рис. 6: 4), 54/3 (рис. 6: 6), 66/2 (рис. 7: 2), 84/1 (рис. 7: 10), 92/1 (рис. 8: 1), 96/1 (рис. 8: 4), 99/1 (рис. 8: 5), 104/1 (рис. 8: 7), 109/1 (рис. 9: 1) и 112/1 (рис. 9: 2) мо-

гильника у с. Глиное в Поднестровье и только один — из Неаполя Скифского (1958 г.) (рис. 13: 4) в Крыму.

Из 73 курильниц II типа большинство (52 экз.) относятся к *подтипу II А*, т.е. у них нет выделенной ножки. Остальные сосуда принадлежат *подтипу II Б* — с выделенной ножкой: 20 из них 1 варианта (из могилы 110/1902 некрополя Ольвии в Побужье; два сосуда из кургана на землях Черкеса, из кургана 10 группы Сары-Кая, из погребения 18 могильника Левадки, из склепа 12/1 у с. Ленино, из некрополя Керкинитиды, из склепов 31 Беляусского могильника и Неапольского могильника 1926 г., два сосуда из мавзолея Неаполя, из склепов №9 могильника Кара-Тобе и №105 Битакского могильника, из кургана 12 у с. Кринички, из склепа 1979 г. Битакского могильника, два сосуда, хранящиеся в Одесском археологическом музее, из кургана у с. Вишенное, из городища Неаполь в Крыму; из городища Золотая Балка в Поднепровье) и только одна — второго варианта (из погребения 112/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье).

Известно всего пять курильниц *III muna*, которые имеют максимальное расширение тулова в нижней части.

В 1 вариант включаются три курильницы без ушек: из погребения 26/1 могильника у с. Глиное (рис. 4: 6) в Поднестровье, из Ялтинского музея (рис. 13: 7) в Крыму и из погребения 2 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 3) в Поднепровье.

Ко 2 варианту относятся два сосуда с ушками: с поселения у с. Чобручи (рис. 2: 8) и из погребения 78/3 могильника у с. Глиное (рис. 7: 6) в Поднестровье.

Все курильницы III типа относятся к *подтипу III А* — без выделенной ножки.

IV mun образуют восемь курильниц, тулово которых, хотя и имеет едва заметное расширение в средней части, можно характеризовать как цилиндрическое.

1 вариант представлен семью курильницами без ушек: из погребений 4/1 (рис. 3: 2), 18/2 (рис. 3: 13), 38/3 (рис. 5: 7) могильника у с. Глиное в Поднестровье, 10/2 у с. Тягинка (рис. 14: 10) в Поднепровье, и тремя сосудами из Елизаветовского городища (рис. 16: 2, 10, 11) в Нижнем Подонье.

Ко 2 варианту можно отнести только один сосуд с ушками из городища Надлиманское (рис. 2: 12) в Поднестровье.

Из восьми курильниц IV типа большинство (7 экз.) относятся к *подтипу IV А*, т.е. у них нет выделенной ножки. Единственный сосуд второго варианта (из городища Надлиманского)

¹⁵ Этот сосуд снабжён слабо выделенным кольцевым поддоном. Такие поддоны (их имитации?) присутствуют на десяти курильницах из погребений могильника у с. Глиное: 14/2, 24/1, 28/1, 33/1 (на сосудах с четырьмя отверстиями в венчике), 38/3, 46/3, 49/1 (на сосудах с орнаментом виде линий, свисающих вниз пучком), 52/1, 88/1 (с максимальным расширением в средней части тулова) и 112/1.

принадлежит *подтипу IV Б* — с выделенной ножкой.

Только 38 курильниц из Северного Причерноморья (т. е. 18,8% от общего числа учтённых сосудов (202 экз.) или 25,85% от числа типологически определимых сосудов) принадлежит 2 варианту, т. е. они изготавливались с ушками со сквозными отверстиями (36 экз.) или ушками-упорами (2 экз.). Обращает внимание, что 37 из них были обнаружены в Северо-Западном Причерноморье: некрополь г. Томы в Добрудже (1 экз.); поселение у с. Чобручи, городище Надлиманское, а также курган 399 у с. Чобручи, разрушенное погребение в г. Тирасполь и 33 захоронения могильника у с. Глиное в Поднестровье. Только одна курильница с ушками-упорами обнаружена в Крыму — на городище Неаполь (1958 г.). Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что 2-й вариант курильниц является локальной особенностью данного вида культовых сосудов, характерной для Северо-Западного Причерноморья.

Ушки со сквозными отверстиями, по нашему мнению, изготавливались, в первую очередь, в утилитарных целях: для подвешивания сосуда и для его переноса в разогретом состоянии. Для этого использовались отверстия в венчике и ушках диаметром 0,4—0,7 см. Подвешивание могло осуществляться при помощи:

1) двух диаметрально противоположных отверстий в венчике (рис. 19: 1) — два сосуда из погребений 35/1 и 79/1 могильника у с. Глиное;

2) двух отверстий в двух диаметрально противоположных ушках (рис. 19: 2) — 27 сосудов из погребений 11/1, 13/1, 20/1, 28/1, 31/1, 32/1, 36/1, 37/1, 38/1, 42/1, 46/3, 52/1, 54/3, 61/1, 62/1, 74/1, 84/1, 89/3, 92/1, 95/1, 96/1, 104/1, 109/1 могильника у с. Глиное, курган 399 у с. Чобручи (рис. 2: 4), погребения в г. Тирасполь (рис. 2: 7), поселения у с. Чобручи (рис. 2: 8) и городища Надлиманское¹⁶ (рис. 2: 12) в Поднестровье;

3) двух диаметрально противоположных отверстий в венчике и двух отверстий в ушках,

расположенных под ними на одной линии (рис. 19: 3) — шесть сосудов из погребений 7/1, 19/2, 66/2, 78/3, 99/1, 112/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье.

У курильницы из погребения 80/1 могильника у с. Глиное с двумя отверстиями в ушках, расположенных на одной оси, горловина была отбита в древности, что не позволяет установить, как именно осуществлялось её подвешивание: при помощи только отверстий в ушках или при помощи отверстий в венчике и ушках;

4) четырёх отверстий в венчике (две противолежащие пары), не совпадающих осями с двумя отверстиями в двух диаметрально противоположных ушках (рис. 19: 4) — один сосуд из погребения 33/1 могильника у с. Глиное;

5) четырёх отверстий в венчике, расположенных над четырьмя отверстиями в четырёх ушках (рис. 19: 5) — один сосуд из погребения 19/2 могильника у с. Глиное.

Ещё одна курильница — из некрополя г. Томы в Добрудже (рис. 1: 1) — снабжена ушками-упорами, в которых нет сквозных отверстий. Очевидно, эти упоры предназначались для удобства переноса разогретого сосуда. Аналогичные упоры, как уже отмечалось выше, присутствуют на курильнице из раскопок 1958 г. в Неаполе Скифском (рис. 13: 4).

Отметим, что находки курильниц в узко датированных комплексах могильника у с. Глиное в Поднестровье не подтверждают более ранний характер курильниц без орнамента по сравнению с каннелированными сосудами. Так, курильницы с каннелюрами встречаются в погребениях, совершённых на протяжении всего времени существования могильника, т. е. с конца IV в. до н. э. по третьей четверти II в. до н. э. Ещё более широкие рамки бытования каннелированных курильниц отмечены по материалам Нижнего Подонья, где они встречаются в поселенческих и погребальных комплексах со второй половины IV в. до н. э. и до II—I вв. до н. э.

На могильнике у с. Глиное только две курильницы лишены орнамента: из погребений 41/1 и 100/1, что сближает их с крымскими неорнаментированными сосудами (рис. 11), а также с курильницами из Надлиманского городища (рис. 2: 12) из Поднестровья, из Бело-ярки в Приазовье (рис. 14: 11) и Семилукского городища в Подонье (рис. 15: 22).

Сосуд из погребения 41/1, которое датируется в пределах последней четверти III — первой четверти II в. до н. э., так же, как и крымские экземпляры, имеет массивное, высокое дно (рис. 5: 8). В отличие от крымских сосу-

¹⁶ При анализе этого сосуда авторы публикаций сначала указывают, что он имитирует деревянные скифские кубки с боковыми ручками (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 113), а затем отмечают, что «сосуды-курильницы с ручками-упорами получают распространение в меотских памятниках Прикубанья с IV в. до н. э.» (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 115). При этом осталось незамеченным, что профиль этой курильницы на самом деле соответствует гончарным образцам, известным, например, в некрополе Ольвии (см.: Парович-Пешикан 1974: 119—121, рис. 98: 1, 7).

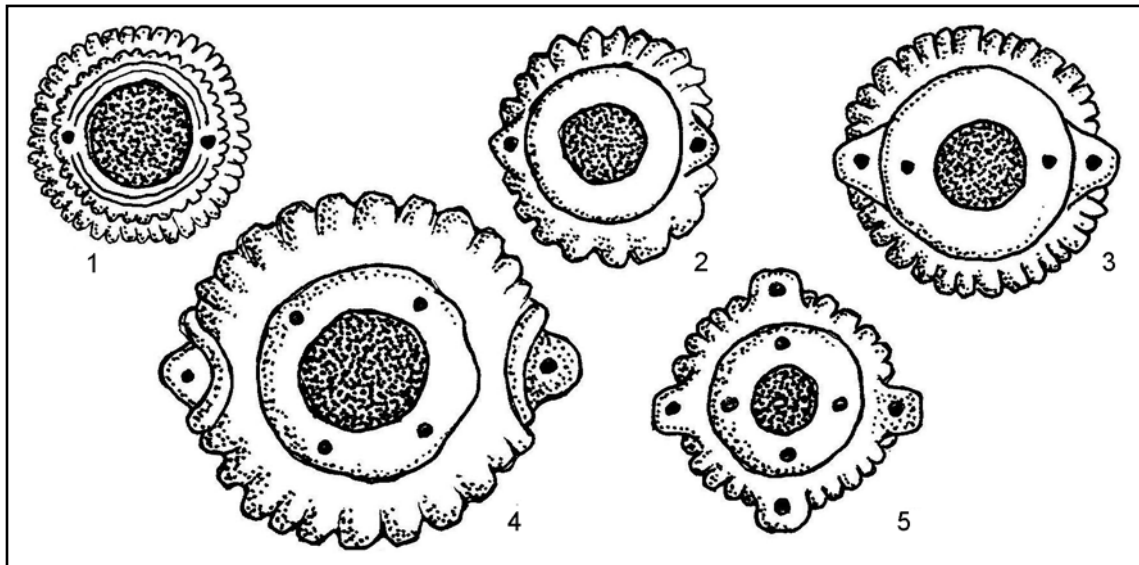

Рис. 19. Способы подвешивания курильниц.

Fig. 19. Incense cups hanging methods.

дов с максимальным расширением тулова в средней части, курильница из Глиное имеет максимальное расширение в верхней части тулова. Гораздо более небрежно изготовлена курильница из погребения 100/1 могильника у с. Глиное: у сосуда прямой венчик, слегка отогнутый наружу; высокое асимметричное тулово; диаметр дна превышает диаметр края венчика (рис. 8: 6). Комплекс датируется первой четвертью II в. до н.э. Морфологически близкие культовые сосуды, с галькой внутри, известны в материалах могильников Нижнего Прикубанья (Марченко 1996: 167, рис. 35: 101). Курильницы отнесены исследователем к третьей хронологической группе памятников, датирующейся концом III—II в. до н.э. (Марченко 1996: 87). Интересны находки подобных сосудов в Южном Приуралье. Курильницы происходят из погребений 9/1 могильника Мечетсай (Краева 2008: 96, рис. 25: 4) и 9/2 могильника Лебедёвка VI (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 23, рис. 50: 9). Характерной чертой этих курильниц является наличие одного сквозного отверстия на шейке и более короткий венчик. Культовый сосуд из разрушенного погребения курганного могильника Лебедёвка VI авторами исследования предположительно был включён в первую хронологическую группу, относящуюся к концу VI—V в. до н.э. (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 37). Курильница из Мечетсай широко датируется IV в. до н.э. (Краева 2008: 96).

Однако абсолютное большинство курильниц из погребений могильника у с. Глиное, как и из других памятников Северного

Причерноморья, орнаментировано. В большинстве случаев орнамент представляет собой вертикальные, волнистые или косые каннелюры на тулове, которые выполнялись тремя различными способами: оттягивались из стенки сосуда, прочерчивались или продавливались палочкой. На курильнице из Ольвии, хранящейся в Национальном музее истории Украины, пространство между группами вертикальных прочерченных каннелюр заполнено каннелюрами в виде зигзага (рис. 10: 6).

Изредка каннелюры сочетались с орнаментом в виде несквозных вдавлений и наколов (Глиное 66/2 (рис. 7: 2), 99/1 (рис. 8: 5) в Поднестровье; курган 67 у с. Яцковичи (рис. 10/5) в Побужье; Пантикапей (рис. 12: 9) в Крыму) или сквозных отверстий (некрополь Ольвии (раскопки 1920 г.) (рис. 10: 8) в Побужье, Знаменское городище (рис. 14: 4), погребение 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 2), Кагамлык (рис. 14: 5) в Поднепровье). На курильнице из погребения 109/1 могильника у с. Глиное каннелюры в нижней части тулова сочетаются с прочерченным «змеевидным» орнаментом — в верхней части (рис. 9: 1). Курильница из Ялтинского музея украшена по тулову четырьмя неполными каннелюрами и наколами (рис. 13: 7).

Орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, украшает курильницы из погребений 49/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье (рис. 6: 1) и 45/1 могильника Широкого-II в Поднепровье (рис. 14: 1). В могиле 56/1901 некрополя Ольвии обнаружена курильница с орнамен-

том на плече в виде групп линий, опускающихся вниз, между которыми находятся вдавления и наколы (рис. 10: 1).

«Ёлочный» орнамент известен на курильнице из погребения 24/1 могильника Курчи на левобережье Нижнего Дуная (рис. 1: 2), на одной из крымских курильниц, хранящихся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12), и на курильнице из склепа 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1); на сосуде из городища Золотая Балка в Поднепровье (рис. 14: 6). Последние два сосуда имеют «тамгообразные» знаки на противоположных сторонах тулова.

Одна курильница из Ольвии орнаментирована квадратами, прочерченными двумя линиями, их диагонали также переданы в виде двойных линий: внутри треугольников, основания которых соответствуют сторонам квадратов, находятся несквозные наколы (рис. 10: 3).

Примитивный орнамент, состоящий из небольших прочерченных линий и несквозных наколов, зафиксирован на тулове курильницы из погребения 2 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 3) в Поднепровье.

Хорошо заметные солярные символы, иногда в сочетании с иными растительным и геометрическим орнаментом, а также с несквозными наколами, украшают группу из шести крымских курильниц: из склепа 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1), из склепа Неапольского могильника 1926 г. (рис. 12: 2), из мавзолея Неаполя — 2 экз. (рис. 12: 3, 4), из кургана 12 у с. Кринички (рис. 12: 7) и из склепа 1979 г. Битакского могильника (рис. 12: 8)¹⁷. Менее заметные солярные символы в виде двойных линий вокруг сквозных отверстий на тулове сосудов известны на двух крымских курильницах, хранящихся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12, 13), и сосуде из городища Золотая Балка в Поднепровье (рис. 14: 6). Перечисленные памятники свидетельствуют о том, что распространение этого элемента орнаментации (солярных символов) в настоящее время можно связывать с крымской традицией изготовления курильниц. Этому заключению не противоречит находка курильницы с солярными символами на городище Золотая Балка, расположенном в Нижнем Поднепровье, т. е. поблизости от Крыма.

Завершая характеристику курильниц, необходимо остановиться на составе их заполнения. Абсолютное большинство сосудов, обнаруженных в погребениях могильника у с. Глиное в Поднестровье, содержало гальки¹⁸. В результате изучения каменного материала из их заполнения исследователи пришли к заключению: «Применялся каменный материал, очевидно, для сожжения органического содержимого курильниц, для чего образцы горных пород, вероятно, разогревались на огне, а затем помещались в сосуд, уже содержащий органические составляющие. Об этом свидетельствуют многочисленные следы копоти и сажи в виде точек, пятен и плёнок на поверхности образцов, а также трещиноватость, не свойственная окатанным речным галькам» (Романов, Кравченко, Кишлярук 2002: 307).

Находки галек также были отмечены в заполнении сосудов в скифских погребениях могильников Градешка и Кугурлуй на Нижнем Дунае (Петрунь 2008); на Надлиманском городище в Поднестровье (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 113); в одной из курильниц в кургане Черкеса и в погребении 18 в Левадках (Пуздровский 2007: 65) в Крыму; в погребении 10/2 у с. Тягинка (Евдокимов, Куприй 1991: 29) и в захоронении 45/1 могильника Широкое-II (Черненко, Бунятян 1977: 64), одна галька была найдена возле курильницы в помещении 8 на городище Золотая Балка (Гаврилюк 2009: 126, табл. I) в Поднепровье; в погребении 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье (Ключнева 2003: 293); на некрополе Танаиса (Ильяшенко 2012: рис. 1374: 2). Небезынтересна и находка лепной курильницы из кургана №7 Беглицкого некрополя. Погребение ограблено. Разбитый сосуд обнаружен в грабительском лазе, здесь же найдены обломки камней песчаника с заглаженными поверхностями, идентичный камешек найден на дне погребальной камеры. Исследователь предположила, что камешки могли использоваться грабителями для заточки инструментов, которыми был вырыт лаз (Прохорова 1994: 13—14). Однако возможно, что камни могли происходить и из курильницы, тем более что на некоторых из них заметны следы воздействия огня.

В некоторых случаях, наряду с каменным материалом, в заполнении курильниц из погребений могильника у с. Глиное в Поднест-

¹⁷ Нельзя исключать, что подобные солярные символы могли украшать и фрагменты сосудов из городищ Беляус (рис. 12: 10) и Калос-Лимен (рис. 12: 14), а также «большого погребения» кургана 1949 г. на Неаполе (рис. 12: 11).

¹⁸ Этим термином мы обозначаем различные геологические породы, определение которых содержится в опубликованных работах (Романов, Кравченко, Кишлярук 2002; Петрунь 2008; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 113).

ровые были обнаружены и иные материалы: комки обожжённой глины — 2/1, 9/1, 13/1 (вместе с одной галькой), 20/1, 33/1 (в обеих курильницах), 61/1 (вместе с одной галькой), 95/1, 104/1, 108/1, 109/1; фрагменты лепной керамики — 9/1 (вместе с кремнем и комком обожжённой глины), 65/1 (вместе с одной галькой), 75/1 (вместе с двумя гальками), 94/1 (вместе с одной галькой). Фрагмент амфоры был обнаружен в заполнении курильницы из погребения 24/1 могильника Курчи в Нижнем Подунавье (Андрух, Суничук 1987: 44). Внутри курильниц из Прикубанья довольно часто находят обожженные фрагменты керамики (Лимберис, Марченко 2006: 134). Также внутри культового сосуда с каннелюрами из погребения 8/10 могильника Покровка II в Южном Приуралье был толстый слой нагара и три фрагмента обточенных донцов от лепных сосудов (Краева 2008: 91, рис. 25: 1).

Растительные остатки из курильниц могильника у с. Глиное были также изучены и проанализированы. Исследователи установили, что органическими компонентами заполнения сосудов являются остатки семян конопли, пшеницы-двузернянки и 17 видов сорных растений, и пришли к выводам, что наиболее широкое использование в погребальном обряде получила конопля, по видимому, дикорастущая, при этом не исключается её культивирование, но при низком уровне агротехнических мероприятий (Кишлярук, Кузьмина 2000)¹⁹.

Вопрос о происхождении курильниц из памятников IV—I вв. до н. э. до настоящего времени остаётся одним из наиболее сложных. Проблема упирается в поиски близких форм культовой лепной керамики в памятниках предшествующего времени. Как уже отмечалось, наиболее ранние находки курильниц, с орнаментом или без него, известны в Крыму (неорнаментированные курильницы) и Подонье (Елизаветовское и другие городища, погребения Беглицкого некрополя и др.). Дата этих памятников не выходит за пределы IV — первой трети III в. до н. э. В III—II вв. до н. э. такие курильницы известны во всех регионах Северного Причерноморья, а в Крыму доживают до I в. до н. э., уступая место ку-

рильницам со сквозными отверстиями и курильницам иных типов.

В разные годы исследователи пытались определить исходный регион, откуда в тот или иной регион Северного Причерноморья попадают курильницы. П. Н. Шульц связывает появление крымских курильниц с соляными знаками с кизил-кобинской культурой на основании наличия соляного символа, инкрустированного белой пастой, на сосуде из Кизил-Кобы (Шульц 1953: 62). Даже если согласиться с этим мнением, остаётся целый ряд нерешённых вопросов: происхождение формы сосудов и истоки других орнаментов. Н. Н. Погребова склоняется к поискам исходных для крымских курильниц форм в Поднестровье (Погребова 1961: 111), что на настоящий момент неприемлемо, т. к. наиболее ранние курильницы появляются на берегах Днестра не ранее конца IV — рубежа IV—III в. до н. э., т. е. в то же время, когда и в Крыму. А. И. Мелюкова предположила, что курильницы появились в одном из регионов, где известны находки подобных сосудов, — в Нижнем Поднепровье, Побужье, Поднестровье и Крыму (Мелюкова 1962: 159). Эту точку зрения, как наиболее плодотворную для своего времени, позже поддержала О. Д. Дашевская (1980: 26), хотя ей, в отличие от А. И. Мелюковой, уже были известны близкие формы лепной керамики, относящиеся к более раннему времени, чем рубеж III—II вв. до н. э. Э. В. Яковенко, не исключая возможность проникновения курильниц с раздутым туловом из Прикубанья, где они известны в меотских погребениях (Яковенко 1970: 130), считает прототипом днестровских, днепробугских и крымских курильниц культовые сосуды из Кармир-Блур (Яковенко 1970: 130; Яковенко 1971: 92, рис. 5), что вызвало обоснованную критику ввиду значительного территориального и хронологического разрыва при неочевидности сходства сосудов (Дашевская 1980: 26).

Существуют различные точки зрения относительно происхождения курильниц с каннелюрами, а именно, что такие сосуды получили наибольшее распространение в Северном Причерноморье.

Е. Ф. Редина считает, что каннелированные курильницы, выделенные ею во II тип, имеют савроматское происхождение (Редина 1989: 134). А. Е. Пуздровский предполагает, что «тип ритуальной посуды в виде курильниц» сформировался в контактной зоне скифских и савромато-меотских племён, откуда в результате миграций населения распространился на запад (Подунавье, Поднестровье, Побужье, Крым) и на вос-

¹⁹ Сосуды с камнями, побывавшими в огне вместе с семенами конопли, обнаружены в Пазырыкских курганах на Алтае (Руденко 1953: 333—334). Воскуривание конопли у пазырыкских племён небезосновательно считается, «скорее всего, иранским наследием в культуре» (Полосьмак 2001: 265), подтверждением чему является практика использования сосудов (курильниц) с обожжёнными гальками и семенами конопли на могильнике у с. Глиное.

ток (Северный Кавказ), где курильницы под воздействием различных факторов продолжили линию самостоятельного развития (Пуздровский 2007: 65). Это мнение, на наш взгляд, наиболее приемлемо.

Тем не менее, на данный момент три основные проблемы остаются нерешёнными: 1) прототипы для северопричерноморских курильниц; 2) исходный регион, откуда идея курильниц проникает в Северное Причерноморье; 3) путь этого проникновения.

По нашему мнению, ближайшие исходные формы лепной керамики находятся в меотских памятниках на территории Прикубанья²⁰. В целом, к настоящему времени исследователями учтено 57 лепных меотских курильниц (Лимберис, Марченко 2006б), определённая часть которых вызывает наибольший интерес. В частности, три курильницы известны в погребениях 1, 57 и 60 кургана скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. От первой сохранились три фрагмента плеча сосуда с венчиком, вторая курильница рассыпалась, но в ней были две гальки. Представление о форме сосудов даёт находка из погребения 60: курильница с приземистым туловом, с двумя ручками-упорами, дно не выделено, горловина не выражена, на тулове четыре рельефных каннелюры (рис. 17: 8) (Раев, Беспалый 2006: 12, 36, 37, табл. 7: 4; 34: 1; 35: 6). Абсолютно идентичные курильницы с гальками и без них известны в меотских погребениях: 287з могильника №2 Старокорсунского городища второй — третьей четверти IV в. до н.э. (рис. 17: 4) (Лимберис, Марченко 1997: 81, рис. 1: 5); 6/7 могильника Уляп I, дата которого не выходит за пределы первых трёх четвертей IV в. до н.э. (рис. 17: 6) (Лесков и др. 2005: 21, 76, рис. 40: 10); 4 (рис. 17: 5) и 9 могильника Пашковский (Смирнов 1958: 288, 290, рис. 9: 16). Указанные находки курильниц из меотских комплексов схожи профилем тулова, а также наличием внутри них галек и орнаментом в виде вертикальных каннелюр. Это ещё не северопричерноморские курильницы, однако весьма близкие к ним.

Особый интерес вызывает находка лепной курильницы с ручками-упорами из скопления 11 в кургане 6 могильника Уляп, тулово которой, орнаментированное восемью вертикальными прочерченными каннелюрами, вытягивается, и появляется венчик (рис. 17: 9) (Сокровища... 1985: 125, кат. 408). Этот со-

суд имеет шаровидное тулово без горловины и с неотделённым венчиком, а сам комплекс датирован в разное время IV в. до н.э. (Сокровища... 1985: 125, кат. №408), концом V — третьей четвертью IV в. до н.э. (Лесков и др. 2005: 76), концом III в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2006а: 139).

На сосудах из меотских комплексов встречается и орнамент, позже получивший распространение на северопричерноморских курильницах. Например, на тулове сосуда из погребения 43 могильника городища №2 у хут. Ленино сочетаются резной ёлочный орнамент в верхней части и прочерченные каннелюры, по три в группе, — в нижней (рис. 17: 7) (Шедевры... 1987: 115, рис. 48, кат. 124). Идентичный по форме и орнаментации сосуд происходит из погребения 3 могильника Старокорсуновского городища №2. Погребение датировано концом IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2007: 83, рис. 20: 4).

Ещё раз подчеркнём, что наиболее ранние курильницы с каннелюрами появляются в меотских погребениях Прикубанья со второй четверти IV в. до н.э. В последней четверти этого столетия идея культового сосуда, украшенного каннелюрами, с гальками внутри воспринимается скифами и населением Среднего и Нижнего Подонья. Обращая внимание на специфическую форму курильниц из материалов Большой греческой колонии Елизаветовского городища на Дону, К.К. Марченко указал на азиатскую часть Боспора как исходный район обитания елизаветовских переселенцев (Марченко 1999: 78). Таким образом, исследователь предполагает, что курильницы с каннелюрами принесены в дельту Дона непосредственно представителями населения Азиатского Боспора. Однако в нашей работе мы неоднократно указывали, что между курильницами с каннелюрами, происходящими из погребальных памятников Прикубанья, и аналогичными культовыми сосудами с территории Северного Причерноморья имеются существенные морфологические отличия. Это может объясняться тем, что идея курильницы перерабатывается местной керамической традицией: используется типичная форма лепного горшка, стенки которого утолщаются и орнаментируются, как правило, рельефными каннелюрами. Уже в первой половине IV в. до н.э. эта форма сосуда фиксируется в Поднепровье (погребение 45/1 могильника Широкого-II) и в Побужье (курган 67 у с. Яцковичи), в конце IV в. до н.э. — в Поднестровье (городище Надлиманское, скифский могильник у с. Глиное и другие скифские погребальные

²⁰ На это впервые указала Э.В. Яковенко со ссылкой на устное сообщение Н.В. Анфимова (Яковенко 1970: 130, прим. 31).

памятники) и Подунавье (погребение 24/1 могильника Курчи), в III в. до н.э. — в Добрудже (некрополь г. Тома). В III—I вв. до н.э. керамическая форма развивалась в Крыму: помимо каннелированных курильниц, появляются сосуды с соляными знаками, ёлочным и комбинированным сложным орнаментом, а также с отверстиями в тулове. В свою очередь, крымская традиция в изготовлении курильниц прослеживается в Поднепровье и Побужье. Некоторые сосуды из этих регионов имеют усложнённый орнамент, а также сквозные отверстия по тулову.

Прикубанье являлось регионом, откуда идея курильниц с каннелюрами распространилась не только на запад — в Северное Причерноморье, но и на восток — на Кавказ и далее до Южного Приуралья. Среди курильниц с гальками различных форм и орнаментации из памятников Северо-Восточного Кавказа обратим внимание на два сосуда с гальками из погребений III—II вв. до н.э. Ханкалинского могильника в Чечне. Их тулово такое же приземистое, как и у перечисленных выше курильниц из Прикубанья, однако появляется выделенная горловина. У одной курильницы отсутствует орнамент, и сохраняются ручки-упоры, у второй — наоборот, появляются каннелюры и отсутствуют ручки-упоры (рис. 17: 2, 3). «Именно контактами с меотами» авторы публикации объясняют «появление у древних обитателей Ханкалы не присущей им прежде черты похоронного ритуала и заимствование некоторых форм соответствующих сосудов» (Байбик и др. 1969: 83—84, рис. 1: 1, 4).

Самым восточным пунктом, где были обнаружены сосуды, украшенные каннелюрами, является могильник Лебедёвка V в Уральской области Казахстана. Из погребения 9/4, датированного не ранее III в. до н.э., происходит лепной горшок с прочерченным орнаментом на тулове (рис. 17: 10). В захоронении 9/5 обнаружен сосуд с аналогичным орнаментом на тулове, снабжённый тремя ножками (рис. 17: 11), который с учётом находок нескольких камешков в непосредственной близости можно считать курильницей (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 13—14, 41, рис. 23: 2; 25: 1; 28: 1). Ещё одна курильница с каннелюрами происходит из погребения 8/10 могильника Покровка II: сосуд имел внутри толстый слой нагара и три фрагмента обточенных донцев от лепных сосудов (Краева, 2008: 95, рис. 25: 1).

Относительно сосудов с соляными символами, как мы уже указывали выше, в настоящее время можно констатировать крымское

происхождение этой орнаментальной традиции курильниц.

Вероятно, орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда (курильницы из погребений 49/1 могильника у с. Глиное в Поднепровье, 45/1 могильника Широко-е-II в Поднепровье, могилы 56/1901 некрополя Ольвии), имеет скифское происхождение. В частности, нам известны находки горшков с аналогичным орнаментом из скифских погребений 23/6 у с. Любимовка и 1/2 группы Острой Могилы у с. Широко-е (Гаврилюк 1980: 22, 26, рис. 3: 4; 4: 10), а также на лепном горшке из Каменского городища в Поднепровье (Граков 1954: 74, табл. III: 4). При этом форма полностью сохранившихся сосудов из погребения 49/1 могильника у с. Глиное в Поднепровье и 45/1 могильника Широко-е-II в Поднепровье также ничем не отличается от скифских лепных горшков.

«Ёлочный» орнамент на курильницах (погребение 24/1 могильника Курчи в Подунавье (рис. 1: 2), одна из крымских курильниц, хранящихся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12), склеп 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1) в Крыму, сосуд из городища Золотая Балка (рис. 14: 6) в Поднепровье) также, по всей видимости, имеет скифское происхождение. В частности, аналогичный орнамент нанесён на тулово лепного горшка из скифского погребения в кургане 22 в ур. Холодный Яр (Покровська 1957: 78, табл. II: 9) и лепного миниатюрного сосуда (двуручного горшка?) из захоронения 2/2 у с. Акимовка (Фиалко 1991: 7, 9, рис. 5) в Поднепровье. Обе крымские курильницы с «ёлочным» орнаментом имеют хорошо выделенную ножку, сосуд из Поднепровья — слабо выделенную, причём все три сосуда снабжены соляными символами, а два из них (из склепа 31 Беляусского могильника в Крыму и городища Золотая Балка в Поднепровье) — ещё и тамгообразными знаками. Курильница из погребения 24/1 могильника Курчи в Подунавье с плоским дном повторяет форму типичных скифских лепных горшков.

Более сложным является вопрос о происхождении курильниц, лишённых всякого орнамента. К этой группе относится всего 18 сосудов: из Надлиманского городища (рис. 2: 12) и из погребений 41/1 (рис. 5: 8) и 100/1 (рис. 8: 6) могильника у с. Глиное в Поднепровье; 12 сосудов из Крыма (рис. 11)²¹; из погребения 5/12 у с. Белоярка в Приазовье

²¹ На одном из сосудов из кургана Черкеса есть две горизонтальные прочерченные линии, которые отделяют тулово от горловины и ножки (рис. 11: 2).

(рис. 15: 1); из захоронения 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье (рис. 15: 5); один сосуд из Семилукского городища в Среднем Подонье (рис. 16: 24).

Десять этих сосудов: из Надлиманского городища и погребения 41/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье; из курганов Черкеса (2 экз.) и №10 группы Сары-Кая, погребения 18 могильника Левадки, склепа 12/1 у с. Ленино, из некрополя Керкинитиды, погребения 6/1 у с. Ильичёво и из городища Неаполь в Крыму, — имеют довольно высокую и массивную ножку, а последняя (из городища Неаполь) — полуножку, в виде кольцевого поддона.

Заметим, что массивная ножка характерна для целого ряда курильниц с орнаментом: в виде каннелюр (погребения 112/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье и 110/1902 некрополя Ольвии в Побужье, из кургана у с. Вишенное в Крыму); в виде горизонтальных, вертикальных и волнистых линий и различных символов на сосудах из Крыма (склепы 31 Беляусского могильника и Неапольского могильника 1926 г., два сосуда из мавзолея Неаполя, склепы №9 могильника Кара-Тобе, №105 и 1979 г. Битакского могильника, курган 12 у с. Кринички, два сосуда из Одесского археологического музея, из «большого погребения» кургана 1949 г. на Неаполе и из могилы 1 Беляусского могильника); в виде «ёлочного» орнамента в сочетании с тамгообразным знаком из городища Золотая Балка в Нижнем Поднепровье.

Таким образом, наличие высокой или просто достаточно выделенной ножки (подтип Б курильниц всех типов) характерно, в основном, для курильниц из Крыма (21 экз.), при этом ещё две подобные находки происходят из памятников соседних регионов — Нижнего Побужья (Ольвия — 1 экз.) и Нижнего Поднепровья (1 экз.). Намного более удалены от указанного ареала курильницы на ножках из памятников Поднестровья (3 экз.).

Поиски возможных прототипов для лепных курильниц из Северного Причерноморья без орнамента и на высокой ножке указывают на гончарные образцы подобных культовых сосудов, которые известны в погребениях некрополя Ольвии греческого времени: 35/1896, 41/1896, 10/1901, 41/1902, 110/1902, 118/1902, 19/1908 и др. Ножка у всех этих сосудов довольно высокая и полая (Парович-Пешикан 1974: 119—120, рис. 98: 1, 7), т. е. в виде кольцевого поддона, что отличает её от большинства лепных курильниц, за исключением упомянутого сосуда из городища Неаполь. С достаточной долей уверен-

ности подражанием греческим образцам, судя по профилю тулова, является только курильница из городища Надлиманское в Поднестровье (рис. 2: 12). Для остальных лепных сосудов без орнамента и на высокой ножке предположение о греческом влиянии на традицию их изготовления может быть высказано только в очень осторожной форме. Косвенным аргументом в его пользу может служить устоявшееся мнение о греческом происхождении чашек на высокой ножке в скифском керамическом наборе (Гаврилюк 1984: 9; 2009: 129). Специальное исследование подобных чашек из Ольвии и её окружи, а также из Мирмекия, Тиритаки, Нимфея и Херсонеса, Танаиса и Горгиппии, проведённое К. И. Зайцевой, позволило исследователю, помимо констатации их греческого происхождения, утверждать, что они использовались, в том числе, в качестве курильниц и фимиатериев (Зайцева 2000: 150).

Возвращаясь к лепным курильницам без орнамента, отметим, что восемь из них не имеют выделенной ножки: из захоронения 100/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье; из погребения 1/8 у с. Красный Партизан, из могил 34 Неапольского, 17 и 53 Беляусского могильников в Крыму; из погребений 5/12 у с. Белоярка в Приазовье; 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье; один сосуд из Семилукского городища в Среднем Подонье. За исключением курильницы из могилы 34 Неапольского могильника со слабо выраженным кольцевым поддоном, остальные семь сосудов имеют плоское дно. Все они очень похожи на обычные горшки — самый распространённый вид лепной кухонной посуды в скифских памятниках Северного Причерноморья. В нашей работе они учтены как курильницы, поскольку в них были обнаружены гальки (погребения 100/1 могильника Глиное, 2/2 Беловодского могильника), следы горения на внутренней поверхности сосудов (погребения 1/8 у с. Красный Партизан, 5/12 у с. Белоярка, сосуд из Семилукского городища), или же их тулово содержит отверстия, которые предназначались для выхода дыма (могилы 34 Неапольского, 17 и 53 Беляусского могильников)²².

²² Использовались ли в лепных курильницах с отверстиями в тулове крышки, в настоящее время установить невозможно, поскольку ни одна из них не зафиксирована. Однако на гончарных курильницах из погребения 2S Петуховского могильника (Ebert 1913: 62, Abb. 62: g) и из некрополя Ольвии (Парович-Пешикан 1974: 119—120, рис. 98: 2—4, 6) такие крышки есть, причём с отверстиями, в то время как тулово сосудов никаких отверстий не имеет.

№3. 2014

Вопрос о назначении курильниц в скифской погребальной обрядности ранее уже рассматривался исследователями. М. И. Вязьмитина и Т. Н. Высотская считают, что курильницы использовались для очищения могилы огнём, «для того чтобы выгнать злых духов», одновременно связывая помещение этих сосудов в захоронения с культом предков (Вязьмитина 1972: 156; Высотская 1976: 68—69). О. Д. Дашевская, соглашаясь с этим мнением, обращает внимание на то, что крымские курильницы с символическими изображениями (солярный орнамент и др.) могли посвящаться божествам (Дашевская 1980: 28).

В этой связи обратим внимание на находки культовых сосудов из материалов Большой греческой колонии Елизаветовского городища в дельте Дона. Семь из двадцати двух курильниц происходят из строительных комплексов конца IV — первой трети III в. до н. э., выполненных в греческой строительной традиции. В четырех случаях совместно с курильницами в тех же или смежных помещениях домов найдены фрагменты протом богини Деметры (Марченко 1988: 15—16). В Поднестровье, хотя и вне комплексов с курильницами, фрагменты двух терракот Деметры были обнаружены при исследовании городища Надлиманское IV—III вв. до н. э. (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 133, табл. 51: 3; 52: 1). Фрагменты двух статуэток Деметры, а также целая статуэтка богини Кибелы и фрагменты ещё трёх аналогичных были обнаружены в слое III—II вв. до н. э. поселения Чобручи (Фидельский, Синика 2005; Щербакова, Тащи 2009: 217—219, рис. 1: 1—6; Фидельский 2012: 19, рис. 1: 1). Таким образом, очевидно, что курильницы на поселениях использовались при отправлении домашних культов, в связи с чем могли использоваться и в погребальном обряде. Последнее иллюстрируется более чем наглядно находками из скифского могильника у с. Глиное и ряда других погребальных памятников Поднестровья.

Подытоживая данные о курильницах в Северном Причерноморье, выделим следующие моменты:

1. Ритуальные сосуды с раздутым туловом с различным орнаментом и без него в IV—I вв. до н. э. получили повсеместное распространение во всех регионах Причерноморья: Добруджа — 1 экз., Подунавье — 5 экз., Поднестровье — 98 экз., Побужье — 9 экз., Крым — 34 экз., Поднепрорье — 13 экз., Приазовье — 4 экз., Подонцовье — 2 экз., Среднее Подонье — 5 экз., Нижнее Подонье — ок. 30 экз., Азиатский Боспор — 1 экз.

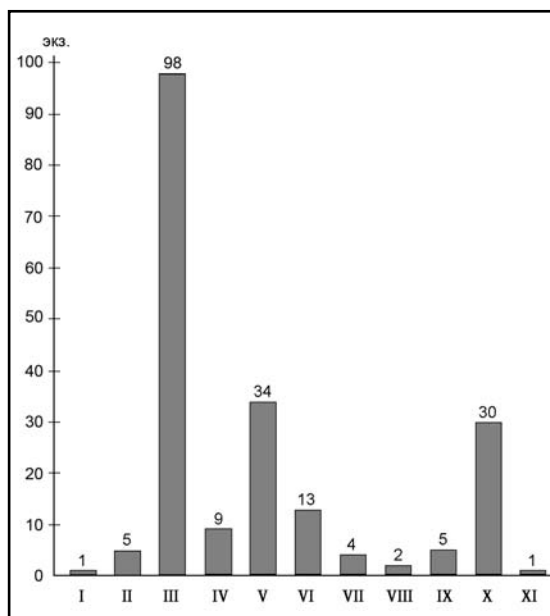

Рис. 20. Лепные курильницы Северного Причерноморья. I — Добруджа; II — Подунавье; III — Поднестровье; IV — Побужье; V — Крым; VI — Поднепрорье; VII — Приазовье; VIII — Подонцовье; IX — Среднее Подонье; X — Нижнее Подонье; XI — Азиатский Боспор.

Fig. 20. Hand-made incense cups on the North Black Sea Coast. I — Dobrudja; II — Danube Region; III — Dniester Region; IV — Bug Region; V — Crimea; VI — Dnieper Region; VII — Azov Region; VIII — Severskiy Donets Region; IX — Middle Don Region; X — Lower Don Region; XI — Asian Bosphorus.

(рис. 20). Таким образом, курильницы представляют собой общее явление для Северного Причерноморья, а не локальную особенность материальной культуры скифов Поднестровья, Крыма или любого другого региона.

Прототипами лепных каннелированных курильниц из памятников Северного Причерноморья явились, вероятно, меотские сосуды — курильницы, орнаментированные рельефными каннелюрами по тулову, с ручками-упорами и гальками внутри. Курильницы с орнаментом, включающим солярные символы, по всей видимости, представляют крымскую традицию в изготовлении подобных сосудов. Вероятно, орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, а также «ёлочный» орнамент имеют скифское происхождение. Более сложен вопрос о происхождении курильниц без орнамента: часть из них — с выделенной ножкой — может свидетельствовать о греческом влиянии на изготовление сосудов; другая часть — с плоским дном — об использовании формы скифского лепного горшка.

2. Исходным регионом проникновения в Северное Причерноморье орнамента в виде

каннелюр является Прикубанье, где он встречается в комплексах, начиная со второй четверти IV в. до н.э.

3. Проникновение идеи курильниц с каннелюрами из Прикубанья на запад происходило через Подонье в Поднепровье, Крым и Побужье, а далее в Поднестровье, Подунавье и Добруджу. Во всех этих регионах курильницы, хотя и появляются раньше, получают широкое распространение в III—II вв. до н.э., а в Крыму доживают до I в. до н.э. Восточное направление в распространении курильниц маркируется находками на Кавказе и далее на восток, дата которых также определяется не ранее III в. до н.э. Очевидно, что в случае с распространением курильниц в Северном Причерноморье речь идёт о фактах взаимопроникновения культур и межэтнических контактов. Яркой иллюстрацией последних вы-

ступает курильница с поселения Козырка 2 в Побужье, которая является эталонной формой подобных культовых сосудов у меотов Прикубанья.

Другие виды орнамента или его отсутствие в настоящее время можно считать местной традицией.

4. Находки курильниц на поселениях могут свидетельствовать об использовании этих сосудов во время определённых культовых действий. Только в Поднестровье наибольшее количество курильниц обнаружено в погребениях (могильник Глиное и другие скифские погребальные памятники), поскольку большая их часть осталась непо потревоженной до момента исследования. Вероятно, они предназначались и для окуривания погребального сооружения во время захоронения, и для посмертного воскуривания погребённым.

Литература

- Андреев В. Н. 1992. Курганы эпохи бронзы в Крыму. *ДСПК* III, 115—122.
- Андрух С. И. 1991. До питання про перебування скіфів у Північно-Західному Причорномор'ї. *Археологія* (1), 20—33.
- Андрух С. И. 1995. *Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. (этнополитический аспект)*. Запорожье: Запорожский университет.
- Андрух С. И., Сунчук Е. Ф. 1987. Захоронения жилищных скифов в низовьях Дуная. В: Самойлова Т. Л. (отв. ред.) *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—46.
- Андрух С. И., Чернов С. И. 1990. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. *СА* (2), 149—163.
- Арсеньева Т. М. 1969. Лепная керамика Танаиса. В: Шелов Д. Б. (отв. ред.) *Античные древности Подонья-Приазовья*. Москва: Наука, 173—220.
- Байбик и др. 1969: Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомадов И. Д. 1969. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии. *Археолого-этнографический сборник* III, 80—94.
- Бессонова С. С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко Е. В. (отв. ред.) *Древности скифов*. Киев: ИА АН Украины, 3—34.
- Болдин Д. И., Зарайская Н. П. 1972. Дослідження скіфських поховань у Каховському районі. *АДУ* 1969 р. 4, 114—118.
- Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. *Труды ГИМ* 118, 96—121.
- Высотская Т. Н. 1976. Культы и обряды поздних скифов. *ВДИ* (3), 51—73.
- Вязьмитина М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.
- Гаврилюк Н. О. 1980. Кераміка степових скіфських поховань IV—III ст. до н. е. *Археологія* 34, 17—30.
- Гаврилюк Н. О. 1984. Скіфські імітації форм античного гончарного посуду. *Археологія* 48, 7—11.
- Гаврилюк Н. А. 2009. Фракийцы в Нижнем Поднепровье. *Stratum plus* (3), 2005—2009, 114—141.
- Граков Б. Н. 1954. *Каменское городище на Днепре*. МИА 36.
- Дашевская О. Д. 1980. О скифских курильницах. *СА* (1), 18—29.
- Дашевская О. Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. САИ Д1—7.
- Дебрюкс П. 2010. *Собрание сочинений*. Т. I. Тексты. Т. II. Иллюстрации. Санкт-Петербург: Коло.
- Дзис-Райко Г. А., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 2012. Городище Надлиманское IV—III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье. *МАСП* 3.
- Доманский Я. В., Марченко К. К. 1980. Поселение ольвийской хоры Козырка 2. *АСГЭ* 21, 20—38.
- Зайцева К. И. 2000. Лепные чашки на ножках конца VII—I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. *Археологические вести* 7, 140—153.
- Зарайская Н. П. 1992. Погребение раннего железного века на р. Крынке. *ДАС* 1, 89—98.
- Евдокимов Г. Л., Куприй Н. М. 1991. *Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства орошения земель Херсонской обл. Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР в 1991 г.* Научный архив ИА НАНУ. № 1991/6.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э.—1 в. н.э. В: Раев Б. А. (отв. ред.) *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Кубанский государственный университет, 174—204.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2010. Курганы с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая. *Археологический альманах* 22, 169—176.
- Железников Б. Ф., Клепиков В. М., Сергачков И. В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н.э.)*. Москва: Восточная литература.
- Ильяшенко С. М. 2012. *Отчёт об археологических исследованиях на территории грунтового некро-*

№3. 2014

- поля городища Танаис в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2008 г. (раскоп XVIII, площадь 4, 5). Т. I. АМЗТ.
- Каменецкий И. С. 1956. Фотографии к Отчету о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в 1956 году. ТЛИАМЗ. Ф. 11. № 1.
- Кастанян Е. Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Кишлярук В. М., Кузьминова Н. Н. 2000. Растительные остатки из курительниц курганного могильника позднескифского времени у с. Глиное. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Чобруцкий археологический комплекс и древние культуры Поднепровья*. Материалы полевого семинара. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 38—43.
- Ключева И. Н. 2003. Погребения раннего железного века из курганного могильника у пгт. Беловодск Луганской области. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 1, 289—304.
- Коваленко А. Н. 2006. Население Нижнего Дона второй половины IV — первой трети III вв. до н. э. (по материалам погребальных комплексов). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время*. Ростов: РПИ, 51—57.
- Колтухов С. Г. 2001. О крымских курганах с «коллективными погребениями». *Труды ГИМ* 118, 59—70.
- Колтухов С. Г. 2004. Лепная керамика скифского населения Степного и предгорного Крыма. *Херсонесский сборник XIII*, 68—120.
- Копылов В. П., Коваленко А. Н. 2004. Отчёт об исследованиях экспедиции Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета в 2003 г. Архив Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета. Ростов-на-Дону.
- Коровина А. К. 1984. Тирамба. В: Рыбаков Б. А. (глав. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Археология СССР. Москва: Наука, 87.
- Краева Л. А. 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI—I вв. до н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Кропотов В. В., Лесков А. М. 2006. Курган с коллективным погребением у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.). *Культура народов Причерноморья* 84, 25—39.
- Кулатова И. Н., Супруненко А. Б. 1999. Раннесарматские памятники Ворсклинско-Сульского междуречья. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова)*. Запорожье: Запорожский государственный университет, 148—154.
- Лесков и др. 2005: Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. 2005. *Меоты Закубанья в середине VI — начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы*. Москва: Наука.
- Либеров П. Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ Д1—31.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 1997. Погребения с гераклеями амфорами из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинёв: Бизнес-Элита, 94—100.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2006а. Типология и хронология курительниц из меотских могильников Прикубанья. *Древности Кубани* 6, 134—151.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2006б. Типология и хронология меотских курительниц. В: Бжания В. В. (отв. ред.). *Первая Абхазская международная археологическая конференция*. Материалы. Сухум: Алашарбага, 230—236.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. *МИАК* 7, 70—150.
- Макаревич М. Л. 1957. Похоронения сарматского та салтвского типов на Сиверському Дінці. *Археологія* X, 146—149.
- Марченко И. И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Марченко К. К. 1972. Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону. *СА* (1), 122—134.
- Марченко К. К. 1973. Новые типы лепной керамики V—III вв. до н. э. из Елисаветовского городища на Дону. *КСИА* 133, 62—66.
- Марченко К. К. 1975. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV — первой половины I в. до н. э. *КСИА АН СССР* 143, 70—76.
- Марченко К. К. 1988. *Отчёт о работах Южно-Донской экспедиции в 1987 г.* Архив ЛОИА АН СССР. № 148.
- Марченко К. К. 1999. Демографическая и военнополитическая ситуация в Нижнем Подонье в конце IV — первой четверти III в. до н. э. В: Яблонский Л. Т. (отв. ред.). *Скифы Северного Причерноморья (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии)*. Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Москва: Институт археологии РАН, 77—79.
- Мелюкова А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских). *МИА* 115, 114—166.
- Меньшикова В. А. 2012. Лепные курительницы с каннелюрами из Северо-Восточного Приазовья. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 106—110.
- Миллер М. А., Лунин Б. В. 1928. Некрополь у Беглицкой косы. *Краеведение на Северном Кавказе* (3—4), 44—53.
- Ольховский В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.
- Парович-Пешикан М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев: Наукова думка.
- Пеляшенко К. Ю. 2011. *Звіт про розкопки на Циркунівському городищі скіфського часу у Харківському районі Харківської області в 2010 р.* Науковий архів ІА НАНУ.
- Петрунь В. Ф. 2008. О камне из скифских погребений с курительницами в Нижнем Поднепровье и Подунавье. В: Охотников С. Б., Петренко В. Г. (отв. ред.). *Краткие сообщения Одесского археологического общества*. Одесса: Фаворит, 147—152.
- Плешивенко А. Г. 2000. Капуловский комплекс скифского времени (по материалам коллекции А. В. Бо-

- дянского). *ССПіК VIII*, 222—236.
- Погребова Н. Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское). *МИА* 64, 103—247.
- Погребова Н. Н. 1961. Находки в Мавзолее Неаполя Скифского. *МИА* 96, 103—213.
- Покровська Є. Ф. 1957. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли. *Археологія* X, 65—79.
- Полин С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: Институт археологии АН Украины.
- Полин С. В., Симоненко А. В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалёва И. Ф. (отв. ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 76—95.
- Полосьмак Н. В. 2001. *Всадники Укока*. Новосибирск: Инфолио.
- Прохорова Т. А. 1993. Некрополь на Беглицкой косе. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону* 11, 30—39.
- Прохорова Т. А. 1994. Раскопки Беглицкого некрополя в 1993 году. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону* 13, 20—22.
- Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984—1993 гг.). *Археологические памятники Среднего Поочья* 4, 43—68.
- Пуздровский А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Раев Б. А., Беспалый Г. Е. 2006. *Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища*. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН.
- Редина Е. Ф. 1989. Лепные курильницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. В: Виноградов Ю. Г. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Тез. докл. областной конференции. I. Запорожье: Коммунар, 133—134.
- Романов Л. Ф., Кравченко Е. Н., Кишлярук В. М. 2002. Каменный материал из курильника могильника позднескифского времени у с. Глиное. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)*. Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь. 5—8 ноября 2002 г. Тирасполь: Типар, 306—309.
- Руденко С. И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. Москва: Издательство АН СССР.
- Сеника В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А. 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днепра. *Stratum plus* (3), 187—215.
- Смирнов К. Ф. 1958. Меотский могильник у станицы Пашковской. *МИА* 64, 272—312.
- Сокровища... 1985: *Сокровища курганов Адыгеи*. 1985. Каталог выставки. Москва: Искусство.
- Супруненко О. Б. 2000. *Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К. М. Скаржинської)*. Київ; Полтава: Археологія.
- Сымонович Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Сеника В. С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днепра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 5—15.
- Фиалко Е. Е. 1991. Погребение женщин с оружием у скифов. В: Болтрик Ю. В., Бунятян Е. П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии*. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 4—18.
- Фидельский С. А., Сеника В. С. 2005. Новые находки терракотовых статуэток Кибелы в Нижнем Поднепровье (по материалам раскопок на многослойном поселении Чобручи). В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Четвёртая Кубанская археологическая конференция*. Тез. и докл. Краснодар: Символика, 281—286.
- Фидельский С. А. 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днепре в III—II вв. до н. э. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 16—20.
- Храпунов И. Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. *БИ VI*.
- Черненко Е. В., Бунятян Е. П. 1977. Курганная группа Широкое-II. В: Черненко Е. В. (отв. ред.). *Курганы южной Херсониды*. Киев: Наукова думка, 45—93.
- Четвериков И. А., Сеника В. С. 2009. Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днепра. *ССПіК XV*. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова), 204—212.
- Шедевры... 1987: *Шедевры древнего искусства Кубани*. 1987. Каталог выставки. Москва: Искусство.
- Шилов В. П. 1958. *Отчёт о работах Южно-Донской экспедиции в 1958 году*. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. № 20а.
- Шульц П. Н. 1953. *Мавзолее Неаполя Скифского*. Москва: Искусство.
- Щербак Т. А., Тащи Е. Ф. 2009. Терракоты из Нижнего Поднепровья (по материалам раскопок поселения Чобручи). *ССПіК XV*. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова), 217—221.
- Яковенко Э. В. 1970. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. В: Лесков А. М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наукова думка, 113—135.
- Яковенко Э. В. 1971. Про кулясті курильниці IV—I ст. до н. е. *Археологія* (2), 87—93.
- Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма В: Лесков А. М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наукова думка, 136—179.
- Ebert M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Süd-Russland). *PZ V* (1/2), 1—80.
- Scorpan C. 1970. Prezența și continuitatea getică în Tomis și Callatis. *SCIV* 21 (1), 65—95.

References

- Andreev, V. N. 1992. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* III, 115—122 (in Russian).
- Andrukh, S. I. 1991. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 20—33 (in Ukrainian).
- Andrukh, S. I. 1995. *Nizhnedunaikaia Skifiia v VI — nachale I v. do n. e. (etnopoliticheskii aspekt) (The Lower Danube Scythia in 6th — beginning of 1st century BC (ethno-political aspect))*. Zaporozhye: Zaporozhskii universitet (in Russian).
- Andrukh, S. I., Sunichuk, E. F. 1987. In *Novye issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (New investigations into the archaeology of Northern Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 38—46 (in Russian).
- Andrukh, S. I., Chernov, S. I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 149—163 (in Russian).
- Arsenyeva, T. M. 1969. In *Antichnye drevnosti Podon'ia-Priazov'ia (Antiquities of Don and Azov regions)*. Moscow: Nauka, 173—220 (in Russian).
- Baibik, V. D., Vinogradov, V. B., Gantimurova, T. M., Magomadov I. D. 1969. In *Arkheologo-etnograficheskii sbornik (Archaeological and ethnographical compilation)* III, 80—94 (in Russian).
- Bessonova, S. S. 1994. In *Drevnosti skifov (Antiquities of the Scythians)*. Kiev: IA AN Ukrainy, 3—34 (in Russian).
- Boldin, D. I., Zarakskaya, N. P. 1972. In *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 1969 r. (Archaeological investigations in Ukraine in 1969)* 4, 114—118 (in Ukrainian).
- Vnukov, S. Yu., Lagutin, A. B. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 118, 96—121 (in Russian).
- Vysotskaya, T. N. 1976. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient history)* (3), 51—73 (in Russian).
- Vyazmitina, M. I. 1972. *Zolotobalkovskii mogil'nik (Zolotobalkovskii necropolis)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Gavrilyuk, N. A. 1980. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 34, 17—30 (in Ukrainian).
- Gavrilyuk, N. A. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 48, 7—11 (in Ukrainian).
- Gavrilyuk, N. A. 2009. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 2005—2009, 114—141 (in Russian).
- Grakov, B. N. 1954. *Kamenskoe gorodishche na Dnepre (Kamenka fortified settlement on the Dnieper)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 36 (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 18—29 (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Pozdnie skify v Krymu)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—7 (in Russian).
- Du Brux, P. 2010. *Sobranie sochinenii (Compilation of works)*. Vol. I; II. Saint Petersburg: Kolo (in Russian).
- Dzis-Raiko, G. A., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 2012. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 3 (in Russian).
- Domanskii, Ya. V., Marchenko, K. K. 1980. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21, 20—38 (in Russian).
- Zaitseva, K. I. 2000. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological news)* 7, 140—153 (in Russian).
- Zarakskaya, N. P. 1992. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk archaeological compilation)* 1, 89—98 (in Russian).
- Evdokimov, G. L., Kuprii, N. M. 1991. *Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orosheniia zemel' Khersonskoi obl. Krasnoznamennoi ekspeditsiei IA AN USSSR v 1991 g. (Report on the excavations of barrows in the zone of the construction of the irrigation systems of the lands of Kherson region conducted by the Krasnoznamenenskaia expedition of IA AN USSSR in 1991)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). № 1991/6 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2004. In *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology)*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 174—204 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2010. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 22, 169—176 (in Russian).
- Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka (6th—2nd centuries BC))*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Ilyashenko, S. M. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax na territorii gruntovogo nekropolia gorodishcha Tanais v kh. Nedvigovka Miasnikovskogo raiona Rostovskoi oblasti v 2008 g. (raskop XVIII, ploshchad' 4, 5) (Report on the archeological excavations on the flat necropolis of the Tanais fortified settlement in the village of Nedvigovka of the Miasnikovskii district of Rostov region in 2008. (trench XVIII, area 4, 5)). Vol. I. Arkheologicheskii muzei-zapovednik Tanais (Archaeological museum-reservation of Tanais)* (in Russian).
- Kamenetsky, I. S. 1956. *Fotografii k Otchetu o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Taganrogskogo muzeia v 1956 godu (Photographs to the Report on the works of the archaeological expedition of Taganrog museum in 1956)*. Taganrogskii gosudarstvennyi literaturnyi i istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik (Taganrog State Literature and Historical-Architectural Museum-Reservation). F. 11. № 1 (in Russian).
- Kastanyan, E. G. 1981. *Lepnaia keramika bosporskikh gorodov (Hand-made pottery of the Bosporean cities)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Kishlyaruk, V. M., Kuzminova, N. N. 2000. In *Chobrukskii arkheologicheskii kompleks i drevnie kul'tury Podnestrov'ia (Ciobruki archaeological complex and the ancient cultures of the Dniester region: materials of the field seminar)*. Ti-raspol: Pridnestrovskii gosudarstvennyi universitet, 38—43 (in Russian).
- Klyuchneva, Y. N. 2003. In *Materialy ta doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 1, 289—304 (in Russian).
- Kovalenko, A. N. 2006. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe vremia (International relations in the Black Sea basin in Scythian and Sarmatian time)*. Rostov: RPI, 51—57 (in Russian).
- Koltukhov, S. G. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 118, 59—70 (in Russian).
- Koltukhov, S. G. 2004. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos compilation)* XIII, 68—120 (in Russian).
- Kopylov, V. P., Kovalenko, A. N. 2004. *Otchet ob issledovaniiax ekspeditsii Nauchno-metodicheskogo tsentra arkheologii Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 2003 g. (Report on the investigations of the expedition of the scientific-methodical Center for archaeology of the Rostov State Pedagogical University in 2003)*. Arkhiv Nauchno-metodicheskogo tsentra arkheologii Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Archive of the scientific-methodical Center for archaeology of the Rostov State Pedagogical University). Rostov-on-Don (in Russian).
- Korovina, A. K. 1984. In *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia (Ancient states of the Northern Pontic region)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka, 87 (in Russian).
- Kraeva, L. A. 2008. *Goncharstvo rannikh kochevnikov Iuzhnogo Priural'ia v VI—I vv. do n. e. (Goncharstvo rannikh kochevnikov Iuzhnogo Priural'ia v VI—I vv. do n. e.)*. PhD thesis. Moscow (in Russian).
- Kropotov, V. V., Leskov, A. M. 2006. In *Kul'tura narodov*

- Prichernomor'ia* (Culture of the people of the Pontic region) 84, 25—39 (in Russian).
- Kulatova, I. N., Suprunenko, A. B. 1999. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia* (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region). Zaporozhye: ZGU, 148—154.
- Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlich, V. R. 2005. *Meoty Zakuban'ia v seredine VI — nachale III v. do n. e. Nekropoli u aula Uliap. Pogrebal'nye komplekсы* (Maeotae of the Transkuban region in the middle of 6th — early 3rd century BC. Necropolis near the Uliap mountain village. Funerary complexes). Moscow: Nauka (in Russian).
- Liberov, P. D. 1965. *Pamiatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* (Scythian-time sites in Middle Don region). Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—31.
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arkheologicheskii vestnik* (Stratum + St.-Petersburg archaeological bulletin). Saint Petersburg; Kishinev: Biznes-Elita, 94—100 (in Russian).
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2006. In *Drevnosti Kubani* (Antiquities of Kuban Region) 6, 134—151 (in Russian).
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2006. In *Pervaia Abkhazskaia mezhdunarodnaia arkheologicheskai konferentsiia. Materialy* (First Abkhazian international archaeological conference. Materials). Sukhum: Alasharbag, 230—236 (in Russian).
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2007. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani* (Materials and researches on the archaeology of Kuban Region) 7, 70—150 (in Russian).
- Makarevich, M. L. 1957. In *Arkheolohiya* (Archaeology) X, 146—149 (in Ukrainian).
- Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani* (Po materialam kurgannykh pogrebenii Nizhnei Kubani) (Kuban Siraces (basing on the materials from the barrow burials from Lower Kuban region)). Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).
- Marchenko, K. K. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 122—134 (in Russian).
- Marchenko, K. K. 1973. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 133, 62—66 (in Russian).
- Marchenko, K. K. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 143, 70—76 (in Russian).
- Marchenko, K. K. 1988. *Otchet o rabotakh Iuzhno-Donskoi ekspeditsii v 1987 g.* (Report on the works of the Southern-Don expedition in 1987) Arkhiv Leningradskogo otdeleniia Instituta arkheologii AN SSSR (Archive of the Leningrad department of the Institute of Archaeology of AN SSSR). № 148 (in Russian).
- Marchenko, K. K. 1999. In *Skify Severnogo Prichernomor'ia* (problems of paleoecology, antropologii i arkheologii) (Scythians of the Northern Pontic region (problems of paleoecology, anthropology and archaeology)). Moscow: Institut arkheologii RAN, 77—79 (in Russian).
- Melyukova, A. I. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and researches on the archaeology of USSR) 115, 114—166 (in Russian).
- Menshikova, V. A. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e.* (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC). Tiraspol: RVT, 106—110 (in Russian).
- Miller, M. A., Lunin, B. V. 1928. In *Kraevedenie na Severnom Kavkaze* (Regional studies in Northern Caucasus) (3—4), 44—53 (in Russian).
- Olkhovskii, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' naseleniia stepnoi Skifii* (VII—III vv. do n. e.) (The funerary and commemorative rites of the population of steppe Scythia (7th—3rd centuries BC)). Moscow: Nauka (in Russian).
- Parovich-Peshikan, M. 1974. *Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni* (Necropolis of Olbia in the Hellenistic time). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Pelyashenko, K. Yu. 2011. *Zvit pro rozkopky na Tsyrukuniv'komu horodyshchi skifs'koho chasu u Kharkivs'komu rajoni Kharkivs'koï oblasti v 2010 r.* (Report on the excavations on the Tsyrukuniv's fortified settlement from the Scythian time in the Kharkiv district of the Kharkiv region in 2010). Naukovyï arkhiv Institutu arkheolohii National'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine) (in Ukrainian).
- Petrin, V. F. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Brief Reports of the Odessa Archaeological Society). Odessa: Favorit, 147—152 (in Russian).
- Pleshivenko, A. H. 2000. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu* (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea) VIII, 222—236 (in Russian).
- Pogrebova, N. N. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and researches on the archaeology of USSR) 64, 103—247 (in Russian).
- Pogrebova, N. N. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and researches on the archaeology of USSR) 96, 103—213.
- Pokrovskaya, E. F. 1957. In *Arkheolohiya* (Archaeology) X, 65—79 (in Ukrainian).
- Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii* (From Scythia to Sarmatia). Kiev: Institut arkheologii AN Ukrainy (in Russian).
- Polin, S. V., Simonenko, A. V. 1990. In *Issledovaniia po arkheologii Podneprov'ia* (Researches into the archaeology of Dnieper region). Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskii gosudarstvennyi universitet, 76—95 (in Russian).
- Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka* (Ukok riders). Novosibirsk: Infolio (in Russian).
- Prokhorova, T. A. 1993. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu* (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions) 11, 30—39 (in Russian).
- Prokhorova, T. A. 1994. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu* (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions) 13, 20—22 (in Russian).
- Pryakhin, A. D., Razuvaev, Yu. D. 1995. In *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia* (Archaeological sites of Middle Oka region) 4, 43—68 (in Russian).
- Puzdrovsky, A. E. 2007. *Krymskaia Skifia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki* (Crimean Scythia into the 2nd century BC — 3rd century AD. Funerary sites). Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).
- Raev, B. A., Bespalii, G. E. 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* (A Scythian barrow on the flat necropolis of the 4th Novolabinsk fortified settlement). Rostov-on-Don: Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN (in Russian).
- Redina, E. F. 1989. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia* (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region) I. Zaporozhye: Kommunar, 133—134 (in Russian).
- Romanov, L. F., Kravchenko, E. N., Kishlyaruk, V. M. 2002. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia* (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)). Tiraspol: Tipar, 306—309 (in Russian).
- Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* (Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian time). Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Sinika, V. S., Taschi, E. F., Telnov, N. P., Chetverikov, I. A. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (3), 187—215 (in Russian).
- Smimov, K. F. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and researches on the archaeology of USSR) 64, 272—312 (in Russian).
- Sokrovishcha kurganov Adygei (Treasures of the barrows from Adygea). 1985. Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Suprunenko, O. B. 2000. *Arkheolohiya v diyal'nosti pershoho pryvatnoho muzeyu Ukrainy* (Lubens'kyj muzej K. M. Skarzhynskoi) (Archaeology in the activity of

№3. 2014

- first private museum of Ukraine (*Lubens'kyj museum of K. M. Skarzhynskaia*)). Kiev; Poltava: Arkheolohiya (in Ukrainian).
- Symonovich, E. A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolia Skifskogo)* (Population of the capital of late-Scythian kingdom (basing on the materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapol)). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC)*. Tiraspol: RVT, 5—15 (in Russian).
- Fialko, E. E. 1991. In *Kurgany stepnoi Skifii (Barrows of steppe Scythia)*. Kiev: Naukova dumka, 4—18 (in Russian).
- Fidelskii, S. A., Sinika, V. S. 2005. In *Chetvertaia Kubanskaia arkeologicheskaia konferentsiia (Fourth Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: Simvolika, 281—286 (in Russian).
- Fidelskii, S. A. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC)*. Tiraspol: RVT, 16—20 (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2004. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* VI (in Russian).
- Chemenko, E. V., Bunyatyan, E. P. 1977. In *Kurgany iuzhnoi Khersonshchiny (Barrows of Southern Kherson region)*. Kiev: Naukova dumka, 45—93 (in Russian).
- Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XV, 204—212 (in Russian).
- Shedevry drevnego iskusstva Kubani (*Masterpieces of ancient art of Kuban*). 1987. Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Shilov, V. P. 1958. *Otchet o rabotakh Iuzhno-Donskoi ekspeditsii v 1958 godu (Report on the works of the Southern Don expedition in 1958)*. Arkhiv Leningradskogo otdeleniia Instituta arkheologii AN SSSR (Arkhiv Leningradskogo otdeleniia Instituta arkheologii AN SSSR). F. 35. Op. 1. № 20a (in Russian).
- Schultz, P. N. 1953. *Mavzolei Neapolia Skifskogo (Mausoleum of Scythian Neapol)*. Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Shcherbakova, T. A., Taschi, E. F. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XV, 217—221 (in Russian).
- Yakovenko, E. V. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma (Antiquities of Eastern Crimea)*. Kiev: Naukova dumka, 113—135 (in Russian).
- Yakovenko, E. V. 1971. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 87—93 (in Ukrainian).
- Yakovenko, E. V., Chemenko, E. V., Korpusova, V. N. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma (Antiquities of Eastern Crimea)*. Kiev: Naukova dumka, 136—179 (in Russian).
- Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Süd-Russland). *PZ V* (1/2), 1—80.
- Scorpan, C. 1970. Prezența și continuitatea getică în Tomis și Callatis. *SCIV* 21 (1), 65—95.

Статья поступила в номер 30 декабря 2013 г.

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Transnistria State University¹.

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidat în științe istorice. Universitatea de Stat din Transnistria.

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

E-mail: sinica80@mail.ru

Vera Menshikova (Rostov-on-Don, Russia). Museum of the History of the Don Cossacks in Novocherkassk².

Vera Menshikova (Rostov-pe-Don, Rusia). Muzeul de istorie a cazacilor de pe Don din Novocercassk.

Меньшикова Вера Александровна (Ростов-на-Дону, Россия). Новочеркасский музей истории донского казачества.

E-mail: menshikova.vera@yandex.ru

Nicolai Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. The Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova¹.

Nicolai Telnov (Chișinău, Moldova). Doctor în istorie. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Тельнов Николай Петрович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

Addresses: ¹ 25 October St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; ² Atamanskaya St., 38, Rostov-on-Don, 346429, Russia; ³ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova